

CRIME & PRIVATE

анна

Данцлова

СЕРЕБРЯНАЯ ПУЛЯ В СЕРДЦЕ

Заветные желания толкают
к запретным удовольствиям...

Анна Данилова
Серебряная пуля в сердце
Серия «Crime & private»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8337262

Серебряная пуля в сердце: Эксмо; М.; 2014

ISBN 978-5-699-75980-4

Аннотация

Стелла была зверски убита одним ударом в актовом зале гимназии... Нину кто-то жестоко умертвил в ее собственном доме... Тамара встретила ужасную смерть в туалете ЗАГСа... На первый взгляд их не связывало ничего, кроме абсолютно одинаковых кулонов на шее – золотых монет с изображением дамы в шляпке. Однако за расследование берутся профессионалы: вместе с сотрудниками полиции дело ведут успешный адвокат Лиза Травина и ее незаменимые помощники – Глафира и Денис. Выясняется, что жертв может быть и больше, ведь всего изготовлено пять подобных золотых украшений. Но остальные «счастливицы» еще не подозревают о реальной цене таинственной дамы в шляпке...

Содержание

1	5
2	22
3	33
4	40
5	60
6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Анна Данилова

Серебряная пуля в сердце

© Дубчак А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Ее нашли в конце лета, в гимназии, в актовом зале, внутри старой, никому не нужной трибуны. Август прошлого года выдался жарким, температура доходила до сорока градусов, а на самом солнцепеке бывала выше, и вот в такое пекло кому-то пришло в голову организовать собрание в актовом зале. Говорят, что в то утро там яблоку негде было упасть, так много людей пришли на собрание, чтобы отдать свои голоса либо за строительство жилого дома, либо – детского сада.

Самое удивительное в этом деле, что Стелла не имела отношения ни к тем, кто ратовал за строительство дома, ни тем более к другому, вражескому лагерю. Она вообще жила в другом районе, в центре города, жила своей жизнью, никого не трогала, никого не нервировала, никому не портила жизнь. Тихая, с прекрасной душой девушка двадцати пяти лет. Она трудилась в краеведческом музее, проводя все рабочее время в хранилище, работала над диссертацией, встречалась с женатым мужчиной, который, судя по всему, уже третий год кормил ее обещаниями жениться, водил за нос, попросту говоря, возможно даже, понятия не имея, что она ждет от него ребенка. Хотя разве теперь кто-то может гарантировать, что ребенок был от него? Никакой экспертизы, касающейся плода, понятное дело, проведено не было. Труп молодой беременной женщины привезли в морг, судмедэкс-

перт произвел вскрытие и сделал свое, с печатью и подписью, серьезное заключение, что смерть произошла мгновенно вследствие разрыва селезенки. «Произошел разрыв капсулы и паренхимы длиной 3,5 см и глубиной 0,7 см по внутренней поверхности, идущий от медиального края к сосудистой ножке, в брюшной полости – 2200 мл жидкой крови...» Говоря человеческим языком, Стелле был нанесен сильнейший удар тупым предметом, скорее всего, кулачищем, в левую задне-боковую поверхность грудной клетки, в результате чего она скончалась. Когда именно это произошло, с точностью до часа, определить было невозможно. Хотя следователь, который вел дело, сказал Дмитрию, что, скорее всего, убийца нанес ей удар прямо во время собрания. Люди толпились, заполнив все пространство зала; за новенькой, сверкающей свежим лаком трибуной, расположенной в противоположной стороне зала, выступали представители мэрии и заинтересованные, активные лица, в самом же помещении, где стояли прикрытые старым бархатным занавесом коробки с остатками декораций школьного театра, стояла старая деревянная трибуна, в нишу которой убийца и сунул бездыханное тело Стеллы, единственного близкого человека Дмитрия Арсенина, его родной сестры.

Кто и за что мог убить Стеллу – этим вопросом он мучился вот уже целый год, но ответа так и не нашел. Дело закрыли, бессовестно повесив на него ярлык «несчастный случай». Следователь, у которого и без этого было много дел, ре-

шил, что девушку ударили нечаянно, возможно, задели локтем, когда кто-то пробирался между потными, разгоряченными активистами собрания, к примеру, поближе к трибуне, чтобы взять слово. Но если так, тогда почему половину зала не усеяли трупы женщин, которые скончались от разрыва селезенки? Если там действительно было так много народу и представители противоположных лагерей стояли в миллиметре друг от друга, то почему они вообще не поубивали своих противников, не перерезали?

Стеллу убили. За ней следили, дождались, когда она в силу своего характера займет место в самом углу зала, где ее будет удобно убивать, и убили. Ударили так, что она и вскрикнуть не успела. Просто осела, скользя спиной по гладкой, покрытой краской стене, на пол, и убийца, подхватив ее, тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, сунул ее за старую трибуну. Как куклу.

– Я должен его найти, – сказал Дмитрий своей жене Людмиле в ту страшную ночь, когда вернулся от следователя, сообщившего ему весть о гибели сестры.

Люда, щурясь от света лампы, натягивая на глаза простыню, замотала головой.

– Послушай, – сказала она сонным голосом, – ну что ты такое говоришь? Кого ты собираешься найти? Человека, который стоял рядом с ней на собрании? Предположим, ты его найдешь, но где доказательства того, что это именно он уда-

рил ее? Может, это был обыкновенный жилец дома, который пришел на собрание проголосовать за строительство детского сада, и это вовсе не он ударил ее, а ты, значит, как Зорро, станешь ему мстить, еще, чего доброго, бросишься в драку?! Дима, не говори глупостей! Раздевайся и ложись спать. Если голоден – в кухне я оставила тебе две котлеты и помидор. Поужинай и ложись. Я бы встала, но так устала, передать не могу, целый день гладила...

– Что с твоим телефоном? Я тебе целый день не мог дозвониться...

– Не знаю, вроде бы работает... А что по домашнему не звонил? Я же дома была.

– Сначала никто не брал трубку, а потом Маша подошла, я ей и рассказал о Стелле. Кстати, она сказала, что тебя дома нет...

– Да... я... выходила в магазин за продуктами. Димочка, успокойся... Что поделать, надо как-то жить дальше... А Стеллу твою все равно не вернуть!

Она никогда не любила Стеллу, не скрывала, что его сестра раздражает ее уже тем, что продолжает жить в родительской квартире, занимая целых три комнаты, что это несправедливо, что она должна сама заработать себе на квартиру или хотя бы разменять родительскую, чтобы выделить брату ровно половину. Вообще, это нечестно, что родительская квартира упала ей на голову.

– Люда, тебе недостаточно того, что ты живешь в нормальной трехкомнатной квартире, которую я купил еще до нашего брака и которая тебе, между прочим, тоже как бы свалилась с неба?

– Мы – это мы, – говорила Людмила, раздражаясь. – У нас семья, двое детей, а она живет одна, водит к себе мужиков.

– Никого она к себе не водит!

– Я же соседей расспрашивала, они подтвердят, что к ней табунами ходят...

Она лгала. Причем делала это так спокойно, глядя куда-то задумчиво в сторону, словно собственное вранье ее же мало касалось, словно она играла какую-то роль, причем роль, от которой она устала сама, и теперь просто не знала, что можно жить уже и не играя, не обманывая, по инерции.

О Стелле жена говорила время от времени, по настроению, просто желая позлить Дмитрия.

– Почему ты ее так не любишь?

– Не люблю – и все. Она зазнайка с двумя высшими образованиями. Думаешь, почему мужики обходят ее стороной?

– Так стороной обходят или она их табунами водит?

– Не придирайся к словам... Так вот, они обходят ее стороной потому, что они не любят умных... Я вот, например, скромный бухгалтер, звезд с неба не хватаю, место свое знаю, поэтому ты меня и любишь. А будь я поумнее, во-первых, я и сама бы не вышла за тебя, короче – я вела бы себя, думаю, как твоя Стелла. Во-вторых, кто виноват в том,

что у меня нет высшего образования, а лишь бухгалтерские курсы? Это все моя мама, и ты прекрасно об этом знаешь. Это она с самого детства внушала мне мысль о том, что образование – блажь. Что и без образования можно спокойно и достойно прожить...

У жены было одно свойство, которое трудно было не заметить: начиная о чем-то говорить, она часто отвлекалась, мысль ее, убогая и прямая, как линия, меняла свое направление и стремилась уже в другую сторону, перескакивая с темы на тему, и в конечном счете Люда напрочь забывала, о чем вообще начинала говорить. Вот и в тот раз она так и не высказала до конца свою мысль о том, почему же мужчины не любят умных женщин. Должно быть, она сама себе давно ответила на этот вопрос, поэтому и отвлеклась так легко: ее, как она считала, глуповатую и простую, любили.

* * *

– Люда, она погибла, ты понимаешь это или нет? Какие котлеты? Какие помидоры?! – вскричал он, не владея уже собой. – Я только что говорил со следователем. Судя по всему, Стеллу убили! Убили! Мою сестру убили. И я сделаю все, чтобы найти ее убийцу.

– Знаешь что? Мне рано вставать. Хватит кричать! Не хочешь котлеты, выпей чая, прими душ и ложись спать. Утро вечера мудренее.

Она протянула свою голую пухлую руку к лампе и погасила ее. Дмитрий в который уже раз подумал о том, что не хочет больше эту женщину. Что он ненавидит ее и что у него руки порой чешутся от желания ударить ее. И как же это хорошо, что ученые пока еще не научились проникать в человеческий мозг, вот было бы стыдно, если бы кто-нибудь узнал его истинные мысли и желания!

На шум из своей комнаты вышел Гриша. В голубой пижаме, сонный и пахнувший почему-то мылом, как-то быстро вытянувшийся за последний год пятнадцатилетний сын. Вроде взрослый, а совсем еще мальчик.

Подошел к Дмитрию, обнял его.

– Па, правда, что тетя Стелла умерла? – спросил он, не разнимая рук.

– Правда.

– Машка плакала, когда узнала. Она хоть и злая, ее же Самарцев бросил, но все равно плакала из-за Стеллы, я знаю. Ты не думай, Машка – она нормальная, просто ей сейчас плохо. Прикинь, Танька, ее подружка, даже и не знала, что Машка этого Самарцева любила. А сейчас они оба каждый день прямо перед ее глазами ходят рука за руку, целуются, прикинь, дразнят ее, мучают... Жалко Машку. И Стеллу жалко. Она просила меня называть ее Стеллой, а не тетей Стеллой. Какая я тебе, говорит, тетя? Мама сказала, что ее избили. Как это? За что?

– Никто ничего не знает, Гриша.

– Ты снова курить начнешь?

– Нет, не начну. Я же тебе обещал.

Поднялась и Маша. Пижама в розовый горошек. Красивая стройная девочка с длинными блестящими каштановыми волосами. Совсем не похожа на мать. Молчаливая, умная, себе на уме. Подошла и тоже обняла отца.

– Па, как же это случилось? Что следователь говорит?

– Никто ничего не знает. Ее ударили... Селезенка разорвалась. Внутреннее кровотечение.

– Несчастный случай?

Все трое сели в кухне за стол, Маша приготовила чай. Гриша вымыл большую грушу и принялся машинально есть. Сладкий сок закапал на пижамную курточку.

– И что теперь будет? – спросил он, в душе, как понял Дмитрий, боясь предстоящих похорон.

– Мне надо будет организовать похороны, сынок. Вы же с Машей мне поможете? Маме некогда, сами знаете...

– Снова поругались? – спросила Маша. – Хотя я понимаю. Она никогда не любила Стеллу, а ты переживаешь. Не понимаю, как вообще можно жить вместе, если вы живете каждый своей жизнью? Знаешь, пап, мы тут с Гришей посоветовались, мы уже не маленькие, если тебе так плохо с мамой, можете развестись. Но только продолжай жить здесь. Пусть мама живет в вашей спальне, а ты – в зале. Пусть она ищет себе другого мужа, а ты устраивай свою личную жизнь.

– Маша?! Что ты такое говоришь?

Хотя, чего же тут удивляться, если все они живут под одной крышей, и дети не могут не видеть и не слышать каждодневных скандалов?

– Мы сказали, а ты сам решаешь. Ты же сам всегда говорил, что люди рождаются для счастья. А ты несчастлив. Теперь вот и Стеллы нет.

– Я не хочу, чтобы вы думали, будто мы с мамой живем плохо. Это временные трудности. У нее какие-то сложности на работе, у меня – тоже.

– Па, ну какие такие сложности могут быть у нашей мамы? В пирожковой, где она работает, ничего не изменилось, разве что стали больше выпекать пирожков. Ты сам знаешь, вокруг понастроили офисов, вот люди из экономии стали обедать пирожками. Между прочим, у нее и зарплата выросла, и вообще их кафешка процветает. Не надо придумывать про сложности. Это у вас сложности друг с другом. Вы просто перестали любить друг друга, – заявила Маша авторитетным тоном. – А когда нет любви, теряется смысл брака. Так-то вот! И ты это прекрасно знаешь. Взрослые, которым невыносимо жить друг с другом, не решаются порвать отношения, поэтому прикрываются детьми. Но это не наш случай, понимаешь? Мы с Гришей уже взрослые.

– Хочешь сказать, что готова увидеть меня с другой женщиной? – удивился Дмитрий. Он все еще продолжал воспринимать дочь как маленькую девочку.

– Если честно, то пока нет, но мы с Гришей не эгоисты...

И тут Гриша всхлипнул. Отвернулся. Вот уж кто-кто, а он-то точно не был готов к разводу родителей!

– Гриша, ты чего? – Машка взяла его за плечи и повернула к себе. – Мы же с тобой обо всем договорились!

– Маша, оставь его. И вообще, давайте уже спать. У меня завтра тяжелый день.

Гриша поднялся и снова обнял отца. Слезы душили его. Он боялся похорон Стеллы, боялся неизбежного, по мнению Маши, развода родителей, боялся появления в доме чужих людей – мужа матери или жены отца. Ему было очень плохо.

– Успокойся, все будет хорошо! У меня никого, кроме мамы, нет. Да и разводиться мы не собираемся.

Гриша еще крепче обнял отца. Дмитрий вспомнил последнее родительское собрание, после которого классная руководительница попросила его остаться.

– Знаете, я не хотела говорить при всех, понимаю, как для вас это было бы неприятно, но и молчать не могу...

Классную руководительницу звали Анжелика Ивановна, это была молодая амбициозная женщина, уверенная в себе настолько, что позволяла себе смелое декольте при пышной груди и узкие, обтягивающие бедра юбки-карандаши. Эдакая учительница, о которой тайно мечтает каждый ученик-подросток, обуреваемый первыми сексуальными жела-

ниями.

– Гриша – очень трудный подросток. Трудный и жестокий. Не знаю, как вы с ним вообще ладите, но в школе он совершенно неуправляемый. Учителя прощают ему все исключительно из-за того, что у него светлая голова, он хорошо учится, выигрывает олимпиады, да вы и сами все знаете... Но его поведение... Вы должны как-то повлиять на него!

Дмитрий молча слушал и не то чтобы недоумевал, просто пытался представить себе жизнь сына вне дома. Жестокий, злой, неуправляемый, конфликтный, драчун, бьет до крови. Дмитрий, может, и не поверил бы, если бы сам не был много раз свидетелем его уличных драк, когда родители избиваемых им детей прибегали к нему, к отцу, умоляя разнять детей, повлиять на сына, остановить его, сделать ему внушение. В полицию родители не обращались по одной-единственной причине: Гриша бил всегда за дело. Считал, что поступает справедливо, наказывая лгунов, ябед, предателей, маленьких воров и вымогателей. Гриша всегда был готов доказать свою жесткую мотивацию драки, и все окружающие это понимали.

Вероятно, и в школе Гриша устраивал драки не просто так, чтобы продемонстрировать свою физическую силу, а для того, чтобы поставить на место подлеца, обидчика слабого, начинающего хама.

Да, пожалуй, она права, эта Анжелика Ивановна, он дол-

жен поговорить с Гришей, объяснить, что его желание занять достойное место среди сверстников все же должно идти от ума, что хотелось бы, чтобы его уважали именно за ум, а не за жестокость и силу. Но найдет ли он, взрослый мужчина, такие слова, чтобы остановить Гришу, объяснить ему, что сверстников нужно воспитывать не только кулаками? Нет, он, пожалуй, и не станет этого делать. Потому что в той среде, в какой живет Григорий, уважают и понимают только кулаки, физическую боль. И все это придумано не Гришей.

Возвращаясь домой после собрания, Дмитрий заглянул в «Технополис», чтобы посмотреть или даже выбрать новый компьютерный процессор для Гриши, хотя бы иметь представление, сколько он может стоить. И это при том, что он сам ничего не смыслил в озвучиваемых менеджером по торговому залу цифрах – характеристиках процессора. Он просто сказал, что хочет купить самый мощный и прекрасный процессор, чтобы там было все – и музыка, и видео, и сложные игры. У него не было денег, зато было огромное желание приобрести для Гриши этот процессор, и что плохого в том, что он сейчас здесь и мечтает о покупке этого дорогого подарка? Ничего плохого. Разве что после того, как он вышел из магазина, ему стало как-то не по себе из-за того, что он не в состоянии купить даже самый дешевый фотоаппарат, не говоря уже о компьютерах. Он настолько беден, что это становится даже неприлично.

Домой он возвращался через парк, прошелся по своей любимой аллее, сел на скамейку и задумался. Тогда еще была жива Стелла, он был относительно спокоен, и все его желания сосредоточились на Грише, на том, чтобы порадовать сына, чтобы он почаще улыбался, чтобы знал, что его любят. Но в результате этих раздумий он получил мощнейший стресс, неожиданный, стихийный. В какой-то миг ему показалось, что он вообще никто и что, несмотря на то что он целыми днями работает (выпускает свой фермерский журнал, ездит в командировки, встречаясь с крестьянами и чиновниками, выполняет домашнюю работу, занимается детьми, сажает и выращивает овощи и фрукты на даче), он все равно как бы ничего и не достиг в жизни. Что он стоит на одном месте. Что его давно уже разлюбила жена, а он разлюбил ее. Что дети живут какой-то своей жизнью и ждут от него только денег. Что журнал, который он выпускает, никому не нужен, поскольку в России полным-полно аналогичных журналов. Что ему живется скучно и неинтересно, и что из его жизни навсегда, кажется, ушла радость. Что его не радует ничего.

От такого вывода он стал задыхаться. Ему показалось, что он вообще близок к смерти. Что ему всего-то сорок лет, а жизнь словно закончилась. И все самое яркое, интересное осталось позади. Его пылкая и страстная любовь к Людмиле, рождение детей, открытие журнала, ощущение полезности и полноты жизни – все в прошлом.

И тогда он задал себе вопрос: а как бы он хотел жить? Как и с кем? Что ему нужно для того, чтобы почувствовать себя счастливым?

И вот как только он задал себе этот вопрос, так сразу его внутреннее обоняние уловило жирный, масляный скипидарный запах красок, а внутренним зрением он увидел коробки акварелей, упаковки бумаги, холсты, натянутые на подрамники, готовые превратиться в живые, дышащие свежими красками картины.

Он всегда хотел рисовать. Это был зуд. Приятный и будоражающий зуд. Возможно, возьми он кисть в руки – и это наваждение, это волшебство приближения к счастью исчезнет, но как попробовать? Что нужно сделать, чтобы это проверить?

Он никогда и нигде не учился рисованию. Но рисовал всегда, везде и на всем. Карандашные рисунки, зарисовки углем или сепией, шуршание рисующей твердости по бумаге, рождение новых линий, штрихов, образов. А сколько волшебства и неожиданных открытий дарила ему живая, трепетная, нежная и текучая прозрачная акварель! Сколько оттенков, плавных переходов от одного цвета к другому радовали его, питали его воображение!

Будь у него деньги, он первым делом накупил бы всего для рисования, снял бы мастерскую или квартиру где-нибудь на окраине города и зажил бы своей, обособленной ото всех жизнью. Конечно, он понимал, что картины он вряд ли ко-

му-нибудь продаст, тем более что он сам смутно представлял себе, что будет рисовать и кому это вообще может понравиться. Поэтому рассчитывать на то, что он сможет прокормиться с помощью творчества, явно не приходилось. Но все равно он хотел заниматься этим, и при мысли о красках и о той свободе, которая могла бы существовать в его жизни, реши он все бросить и заняться любимым делом, у него кружилась голова.

Однако, конечно, все это было абсолютно нереально. Денег у него не было и не предвиделось в ближайшем будущем. Тираж журнала, его детища, сильно упал – фермеры, обзаведясь компьютерами, находили ответы на свои важные хозяйственные вопросы в Интернете, им совсем необязательно было подписываться на бумажный фермерский журнал. Да он и умер бы, этот журнал, если бы не спонсоры, преимущественно друзья Дмитрия, которые помогали ему выжить в это трудное время, подкидывали денег, находили новых спонсоров, рекламодателей. Но как долго все это могло продолжаться? Год? Два? Интернет все равно сделает свое черное дело и убьет все журналы и газеты. И что будет с ним, с его семьей? Может, заняться чем-нибудь более существенным? Стать, к примеру, тем же фермером, тем более он знал, что ему помогут?! Купить, к примеру, саанских или тогербургских коз и продавать молоко? Но для этого надо как минимум переехать из города в деревню, купить там пусть са-

мый скромный, но дом с хозяйственными пристройками и большим двором. Для этого было бы неплохо посоветоваться, в каком районе пастбища богаче, где козам будет лучше и дольше прокормиться. Запастись овсом, пшеницей, кукурузой, приготовить силосные ямы... От всех этих мыслей ему становилось и вовсе худо. Вот уж чем-чем, а этим-то он точно не сможет заниматься. Он ничего не знает, не умеет, да и душа к сельскому делу не лежит. Даже кроликов или гусей он разводить не сможет – надо будет учиться всему с самых азов, осваивать азбуку животноводства.

– Успокойся... Все будет хорошо, – повторил он, целуя сына в макушку. Он сказал ему, что они с мамой не собираются разводиться, и эти слова прозвучали в его мозгу мощным и неотвратимым ударом гильотины: р-раз, и все, этим обещанием он отсекает возможность отступления, возможность начать новую жизнь. И все это чего ради? Чтобы успокоить Гришу?

Он часто вспоминал тот вечер, вспоминал свое отращивание к жене и любовь к детям, свое состояние безысходности и отчаяния при мысли, что у него теперь нет сестры. Нет близкого человека, которому, как он тогда понял, он не уделял достаточно внимания, редко звонил, а уж в гостях бывал и того реже. Да и вообще, получалось, что он мало интересовался жизнью сестры. Только раз она призналась ему, что

безнадежно влюблена в мужчину, в женатого мужчину, и что зависит от него эмоционально. И это при том, что она всегда была независима и самостоятельна. Ему было жаль, что его близкий человек не в силах справиться со своими чувствами, разобраться в себе, подключив холодный рассудок.

Стелла была так хороша собой, чудесная блондинка с карими глазами! Когда она улыбалась, на щеках появлялись милые ямочки. А какие у нее были зубки! Белые, ровные! Ей впору было сниматься в рекламе зубной пасты.

Что она забыла в этой гимназии? Какой черт занес ее на это дурацкое собрание? Кто посмел ударить ее? И, главное, за что? Он не хотел верить, что это просто несчастный случай. Нечаянно задела локтем! Какая глупость!!!

После похорон он снова пришел к следователю, разговаривал с ним, предлагал свою помощь, говорил, что сделает все, чтобы только найти людей, которые могли оказаться свидетелями убийства.

– И как вы себе представляете эти поиски? Разве можно опросить триста человек, которые в то утро были в гимназии? – Следователь казался чем-то расстроенным и уставшим. Чувствовалось, что ему абсолютно все равно, найдут убийцу Стеллы или нет. Возможно, у него у самого были какие-то личные проблемы либо ему нездоровилось.

– А откуда вам известно, что в зале было триста человек? – спросил он и вдруг понял, что его просто водят за нос.

2

– Помнишь мужчину, который приходил в прошлом году и просил найти убийцу своей сестры? – спросила Глафира, с задумчивым видом поливая цветы на окне.

Лиза Травина, хозяйка адвокатского бюро «Травина & Кифер», оторвалась от разложенных на рабочем столе документов и посмотрела на подругу. Глаша Кифер, пухленькая молодая женщина в лимонного цвета свитере и черных брюках, наклонив голову набок, улыбнулась. Ее пышные рыжие кудри горели при свете электрической лампы с цветным плафоном. Был вечер, пора было собираться домой.

– Ну? Тренируй свою память!

– Помню, конечно. Да только неизвестно было, на самом ли деле убили девушку или же это был несчастный случай. Уж больно странные обстоятельства смерти. В людном месте, можно сказать, на глазах целой толпы людей... К тому же, насколько я помню, она не имела никакого отношения к той проблеме, к тому голосованию, ради которого в эту гимназию привалили аж триста человек! А почему ты вспомнила эту историю?

– Да потому что в прошлый раз мы ему отказали. Во-первых, у тебя было дурное настроение, во-вторых, у этого товарища не было денег, в-третьих, мы с тобой как-то сразу определили, что дело гиблое и что это, скорее всего, несчаст-

ный случай. Однако он пришел снова сегодня утром. И рассказал новые подробности этого дела. Сказал, что не отступится, что будет продолжать поиски убийцы сестры и готов заплатить нам любую сумму, если мы только возьмемся за это дело.

– У него появились деньги? А он вообще кто такой?

– Ты не поверишь – обыкновенный журналист. У него свой журнал для фермеров. Знаешь, в Интернете он упоминается всего дважды. И тираж у него микроскопический.

– Знаешь, Глаша, может, это и не совсем прилично, но меня вот всегда интересует: откуда у человека деньги? Заработал или украл, ограбил кого или нашел, ты понимаешь меня?

– Понимать-то понимаю, но не могла же я спросить его: откуда у вас, милейший, столько денег взялось, что вы готовы заплатить нам за работу?! Мы же ему в прошлый раз дали понять, что наша работа стоит немало. Хотя, признаться честно, мне его тогда было жаль. Чувствовалось, что он грустит по своей сестре, страдает от невозможности сделать хоть что-то, чтобы нашли ее убийцу.

– Помню-помню я тот день. У меня на самом деле было ужасное настроение, мы с тобой готовились к суду, дел неуправляемый, надо было раздобыть кучу важных документов, чтобы вытащить одного товарища...

– Важно, что мы его вытащили, что ты с блеском выиграла процесс, тогда о тебе еще в газетах писали.

– Так что ты ему ответила?

– Знаешь, поскольку он сказал, что готов оплатить нашу работу, я сказала, чтобы он пришел сегодня вечером.

– То есть сейчас?

Раздался звонок, и Глафира, продолжая таинственным образом улыбаться, развела руками: мол, клиент на пороге.

В кабинет вошел высокий, с бледным нервным лицом мужчина лет сорока. Потертый костюм висел на нем мешком. Успешные журналисты выглядят совсем по-другому, подумала Лиза, кивком предлагая посетителю занять свое место напротив себя на стуле.

– Моя фамилия Арсенин. Дмитрий Александрович. Может, вы и не запомнили меня, госпожа Травина, но я запомнил вас очень хорошо, к тому же я все последние месяцы не выпускал вас из виду, следил за вами, за вашими делами, два раза присутствовал даже на судебных заседаниях по делам Тришкина и Суворовой. Я отлично понимал, что вы мне как бы не по зубам, но все равно, глядя на вас, слушая ваши речи, я понимал, что только вы способны мне помочь, если это, конечно, вообще возможно.

– Вам нужен адвокат? – сухо спросила его Лиза.

– Нет. Мне нужна ваша помощь в поисках убийцы моей сестры. Пожалуйста, только не говорите мне, что этим должна заниматься полиция: они мне отказывали. Много раз. Решили, что это был несчастный случай. Я знаю, что вы, помимо защиты, занимаетесь еще и многими другими полезными

для общества делами. Поэтому, прошу вас, помогите мне.

– Господин Арсенин, пожалуйста, успокойтесь и расскажите мне вашу историю с самого начала.

– История очень простая. Моя сестра, молодая женщина Стелла, двадцати пяти лет, каким-то невероятным образом оказалась на собрании жильцов одного из районов нашего города, организованном мэрией, чтобы отдать свой голос либо за строительство детского сада на месте руин старого, где сейчас обитают бомжи, либо за строительство многоквартирного жилого дома. Я предполагаю, что ее подбил пойти туда кто-то из ее окружения, но вот кто именно, мне выяснить так и не удалось. Дело было жарким летним днем, в гимназии собралось около трехсот человек, было жарко, душно, атмосфера, я полагаю, была напряженная... Словом, тело моей сестры нашли в этом же зале, в самом углу, за старой трибуной. Ей был нанесен сильнейший удар в бок, вследствие чего у нее были повреждены внутренние органы, и она скончалась.

– Но это на самом деле смахивает на несчастный случай. Может, ее ударили случайно локтем, я не знаю... – начала было Глафира, но Арсенин остановил ее одним своим жестким взглядом. – Хорошо, я все поняла. Конечно, вы правы, если бы тот, кто это сделал, и дальше прокладывал себе дорогу в толпе локтями, то жертв было бы гораздо больше, к тому же те, кому он причинил боль, не молчали бы, возмущались, кричали, наконец. Ваша сестра, судя по всему, и пикнуть не

успела, когда все это случилось... Я сожалею...

– Знаете, я возьмусь за ваше дело, – сказала Лиза, внимательно рассматривая посетителя и пытаюсь угадать, каким же образом этот скромный мужчина смог раздобыть немалую сумму, которую она тотчас озвучила.

– Вы не беспокойтесь, деньги у меня есть, я готов заплатить аванс хоть сейчас.

– Да, пожалуйста, Глафира сейчас оформит договор.

Пока Глафира заполняла бланк договора, Лиза продолжала разговаривать с Арсениным:

– Вы живете один?

– У меня семья. Жена и двое детей.

– Она в курсе, что вы вернулись к поискам убийцы сестры?

– Нет. Никто не в курсе, потому что никто из близких не разделяет моего мнения, что никакой это не несчастный случай.

– Дело в том, что когда мы начнем действовать, нам придется опросить огромное количество людей, и все они – из вашего с сестрой общего круга знакомых. Вы готовы к этому?

– Разумеется, иначе я бы не пришел!

Он достал из кармана туго скрученный рулончик евровых купюр, передал его Глафире.

– Вот.

Лиза между тем продолжала задавать вопросы:

– Расскажите мне о вашей сестре, Дмитрий.

– Стелла была очень светлым человеком. Любила искусство, училась параллельно на двух факультетах университета – филологическом и искусствоведческом. Кроме этого, посещала занятия в художественном училище, сама неплохо рисовала и лепила. Поэтому никто и не удивился, когда она с отличным дипломом устроилась работать в наш музей. Денег, понятное дело, не хватало, и она иногда подрабатывала тем, что продавала свои рисунки. Надо сказать, что это всегда было и моей мечтой... Хотя это не так важно...

– Вы тоже рисуете?

– Теперь – да.

– В смысле?

– Просто раньше у меня не было такой возможности – семья, жена, дети...

– И куда же они теперь делись?

– Да нет, – нервно рассмеялся он, – они-то никуда не делись, это я ушел от них. Вот так.

– Ушли и теперь рисуете? Вы развелись со своей женой?

– Да, развелся. Вернее, мы пока еще находимся в стадии развода, но это дело времени и техники, сами понимаете.

– Что, так все плохо?

– Не хотелось бы говорить шаблонами, но жизнь-то у нас всего одна, и в один прекрасный момент вдруг начинаешь

понимать, что живешь совсем не так, как хотелось бы. И самое трагичное в этой ситуации – это сознание того, что большая часть жизни прожита! Я понимаю, что несколько отвлекся...

– Значит, вы решили зажить своей жизнью и ушли от семьи, так?

– Да, так. И нисколько не жалею об этом.

– Вы сняли квартиру?

Видно было, что ему неприятны вопросы, связанные с ним самим. Однако он продолжал терпеливо на них отвечать. Его высокий красивый лоб взмок, густые каштановые волосы повлажнели. Лиза подумала о том, что ему в этой жизни явно не хватает уверенности в себе. Люди, у которых водятся деньги, ведут себя иначе. Неужели он украл эти тысячи евро? Но как, у кого, при каких обстоятельствах?

– Нет, я сейчас живу в квартире своей сестры, раньше это была квартира родителей, мы так ее и называли. Во всяком случае, моя жена всегда так говорила: «квартира твоих родителей». Ей не нравилось, что Стелла живет там. Людмила говорила, что мы могли бы сдавать эту квартиру и получать за нее неплохие деньги.

– То есть ваша жена испытывала к вашей сестре неприязненное отношение?

– К сожалению, это так.

– Они ссорились, скандалили?

– Да нет, до этого дело не доходило. К тому же Стелла бы-

ла редким гостем в нашем доме. В основном я навещал сестру. Приходил, она угощала меня чем-нибудь вкусным, она прекрасно готовила, мы разговаривали подолгу, и мне всегда хотелось остаться там на ночь, хотелось почувствовать себя ребенком, совсем как при родителях, понимаете? Как если бы они спали в своей спальне, а мы со Стеллой – в своих кроватях. Это было отличное время, у нас вообще было прекрасное детство. Жаль, что родители рано умерли.

– Ваша сестра была замужем?

– Нет, но у нее был мужчина. И когда производили вскрытие, выяснилось, что Стелла была беременна. Целых восемь недель. Как вы понимаете, никого не интересовало в тот момент, чей это был ребенок. Но я так думаю, что это его, Германа, ребенок. Просто я хорошо знаю Стеллу, вернее, знал. Она была очень верным и преданным человеком.

– Вы встречались с ним, разговаривали?

– Да, конечно, и перед похоронами, и во время похорон, на кладбище. Он женатый человек, понятное дело, шифровался, прятался в своей машине, издали наблюдая за похоронами, но от разговора со мной не отказался. Мне даже показалось, что он плакал, хотя это, конечно, ни о чем не говорит. Я знаю многих мужчин, у которых так называемые близкие слезы.

– Как он отреагировал на то, что Стелла ждала ребенка?

– Можно сказать, что никак. Понимаете, он и без того был напуган, ее смерть потрясла его, и это было видно.

– То есть он не знал, что Стелла беременна?

– Думаю, что нет. И дело не в нем, как вы понимаете, а в моей сестре, я думаю, что она так и не решилась рассказать ему об этом. Стелла была гордым человеком, а потому не хотела, чтобы Герман женился на ней исключительно из-за ребенка.

– Каким образом она оказалась на том злосчастном собрании?

– Я много думал об этом. Возможно, я ошибаюсь, но ее могла пригласить туда подруга Тая.

– Вы говорили с ней об этом?

– Знаете, было бы странно, если бы я задал ей этот вопрос... Дело в том, что в тот день, когда произошла трагедия, Таи самой в городе не было! Она ездила в Украину к своим родственникам. И это абсолютно точно!

– Тогда почему же вы это предположили? Что это именно она могла пригласить Стеллу на это собрание?

– Понимаете, Тая – она из обманутых дольщиков. В свое время она продала небольшую квартиру на Набережной, чтобы вложить деньги в строительство квартиры в новом доме в центре города, на улице Горной. Но время шло, выстроили пару этажей, и строительство остановилось. Кончились деньги. Точнее, их попросту разворовали. Потом выяснилось, что стройка идет почти десять лет, что квартиры в этом доме уже проданы-перепроданы по несколько раз... Словом, Тая осталась без квартиры. Она не сидела сложа

руки, она пыталась что-то предпринять, боролась, собирала людей, предлагая им план действий, постоянно ходила на какие-то собрания, записывалась на прием к депутатам, дошла до губернатора, но все впустую. Понимая, что у нее ничего не получится, а ей уже почти пятьдесят пять, скоро на пенсию и платить за съемное жилье будет нечем, она приняла решение переехать к своим близким родственникам – матери и сестре – в Украину. Она уехала, прошло почти две недели, и тут вдруг выясняется, что моя Стелла отправилась на одно из таких вот странных собраний, чтобы за что-то там проголосовать... Вот почему я и подумал, что это могло быть связано с Таей, с ее делами.

– Так вы разговаривали с ней?

– Да, я пытался говорить, но она сказала, что ничего не знает ни о каком собрании. Она была на похоронах, плакала-убивалась...

– Послушайте, ей, как вы говорите, пятьдесят пять, а вашей сестре было двадцать пять. Тридцать лет разница, не многовато ли для дружбы?

– Если бы вы увидели Таисию, вы бы поняли. Она молода. Душой. И хотя я ее всегда недолюбливал, считал, что она авантюристка и все такое, но со Стеллой у них было полное взаимопонимание. Они были очень привязаны друг к другу.

– А где они познакомились?

– Вы не поверите! В магазине! Разругались в пух и прах! Таисия – женщина взрывная, немного агрессивная, ей что-то

там не понравилось в поведении Стеллы, вроде бы та нечаянно толкнула ее тележку... Словом, ерунда! А потом, как это нередко бывает с женщинами, извинились-помирились, Тая пригласила Стеллу к себе домой, они выпили чая... Вот и вся история.

– Что ж, значит, и нам есть с кем побеседовать о вашей сестре. Может, она что-нибудь или кого-нибудь вспомнит, что может быть связано с убийством.

Глафира составила подробный список людей из окружения погибшей девушки и ее брата.

– Скажите, есть хоть малейший шанс, что нам удастся найти убийцу? – спросил Арсенин, глядя на Лизу прямо-таки трагическим взглядом. – Или же вы в глубине души тоже считаете, что ее просто пихнули локтем, случайно убив при этом?

– Слишком уж сильным был удар, – сказала Лиза. – К тому же, если допустить, что кому-то понадобилось убить вашу сестру, то место и время были выбраны прямо-таки идеально.

– Возможно, одного мог не учесть убийца, – заметила Глафира, – что у Стеллы есть прекрасный брат, который захочет докопаться до правды.

Глаза Дмитрия увлажнились.

3

Она должна приготовить ему ужин, незабываемый ужин, чтобы он потом, когда ее не станет, долго вспоминал его. Конечно, это будет салат – помидоры и моцарелла. Хорошее красное вино, ну и, пожалуй, спагетти!

Но до вечера еще далеко.

Нина еще некоторое время полежала в кровати под теплым одеялом, поглядывая в окно, за которым виднелось большое небо в серых, пока еще спокойных облаках, после чего решила, что пора все-таки вставать. В ночной рубашке до пят, она сунула ноги в домашние туфли и отправилась в кухню варить кофе. Когда вода в кофейнике закипела, ей показалось, что в квартире стало как будто теплее.

Не хотелось расставаться с утренней негой и той прекрасной ленью, которую она так любила и которая доставалась ей в таких малых порциях. Всегда же надо было куда-то бежать, торопиться. Сегодня у нее был выходной, поэтому она могла позволить себе лениться хоть до самого вечера. И даже не убирать постель.

Вопросы и воспоминания, которые мучили ее вот уже целый год, сегодня как будто бы отпустили. И отец ей сегодня не приснился, хотя до этого он приходил в ее сны и всегда бесцеремонно, как и в жизни, отравлял их. Вмешивался в тонкую ткань безумной фантазии, устанавливая там свои

правила и подгоняя сюжеты под себя, под свой неудобный характер.

Но придет день, когда она забудет его навсегда, как кошмар!

Бутерброд с маслом, горячий кофе. Нет, все-таки в квартире как-то уютно, прохладно, и это несмотря на поздний сентябрь. Рановато, конечно, для холодов. Но чем хорош автономный газовый котел, так это как раз тем, что его можно топить в любое время года.

Нина жила в большой квартире в старом доме, расположенном в центральной части города, как раз между набережной Волги и центральным рынком, на узкой улице, где сейчас располагались по большей части офисы, маленькие кафешки, бары, крохотные частные ателье и картинные галереи. Вечером улица переливалась рекламными огнями, витрины ателье напоминали сцены из старинной жизни с застывшими, замершими на время нарядными дамами. В теплое время года улица шумела пышной листвой каштанов и тополей, зимой же мерцала разноцветными неоновыми огоньками, опутавшими оголившиеся густые ветви деревьев. Нина очень любила эту улицу и эти старые, но со вкусом отреставрированные купеческие особнячки, где всюду чувствовалась крепкая хозяйская рука.

Здесь же, буквально в двух шагах от дома, где проживала Нина, располагался и маленький офис фирмы, занимающейся ремонтом компьютеров, где она работала администрато-

ром и кассиром одновременно. Спокойная несложная работа, да еще недалеко. Вот все удивятся, когда Нина исчезнет! Пропадет. Когда не появится утром на работе, когда ее телефон покажется всем мертвым и не захочет выдавать тайну своей хозяйки. И все, кто знал или просто видел Нину, будут шепотом спрашивать друг друга: а вы не видели, куда делась такая симпатичная молодая женщина, которая проживала вот в этом доме с башенками, она еще работала в компьютерной мастерской? Может, умерла? Или уехала куда-нибудь? Скорее всего, вышла замуж. Но почему тогда никто о ней ничего не знает?

Потом начнутся сплетни, что квартира опечатана, что хозяйка, возможно, отравилась газом, ведь у нее была газовая печка-голландка, которую она топила даже летом, когда на улице шел дождь.

Люди любят посплетничать, пофантазировать. Тем более если речь идет об одинокой женщине. Соседи, с которыми она здоровалась по необходимости, чтобы только не прослыть невоспитанной деревенщиной (некоторые знали, что она приехала в город из Базарного Карабулака), сразу вспомнят, что к ней ходил мужчина. Вернее, что он приезжал к ней на новеньком сверкающем черном «Мерседесе», и что нередко в его руках можно было увидеть букет цветов или тяжелый фирменный пакет из какого-нибудь дорогого супермаркета.

Но ей до этого уже не будет никакого дела.

После завтрака ей захотелось снова вернуться в постель и предаться мечтам. Свернувшись под одеялом и слушая, как гудит горящий газ в печке, она представила себя кошкой, спокойной и сытой, которой нет никакого дела до того, что происходит в мире. Ведь кошки ни о чем не думают, разве только как раздобыть себе пропитание. Да и то, мысли их начинают активизироваться в тот самый момент, когда голод дает о себе знать. А так живут себе беззаботно, особенно если их любят хозяева, любят и балуют. У людей все по-другому. Мало того что надо позаботиться о пропитании, надо еще, и что самое важное, найти свое место в этом мире, занять определенную нишу и устроиться в ней так, чтобы никто больше на эту нишу не покушался. Чтобы человек чувствовал себя одновременно и свободно, и комфортно, и чтобы была какая-то уверенность в завтрашнем дне. Без этого невозможно. Люди не кошки. Они всегда в глубине души думают о будущем, они не хотят умирать. Но знают о смерти многое, в отличие от кошек.

Нина заснула с этими мыслями, так и не уяснив для себя, почему она вообще пыталась отождествить себя с кошкой. Она далеко не кошка. Она всегда думала. С того самого момента, когда осознала себя в этом мире. Когда поняла, что проще подчиниться отцу, единственному человеку, которого она знала и с которым жила под одной крышей и который

тиранил ее всю сознательную жизнь. И это от большой любви, как считалось.

И хотя он умер, и она уже не могла слышать его голоса, ей некому было подчиняться, все равно иногда, особенно по вечерам, ей казалось, что он где-то рядом, бродит по комнатам, проверяет, все ли в порядке, подходит к печке, трогает ее и даже открывает кран или наоборот, закрывает его. Уже засыпая, она часто представляла себе, как он наводит порядок в холодильнике (это было его любимым занятием), переставляет баночки и тарелки, заворачивает, шурша пергаментом, ветчину или колбасу, бормоча, комментируя свои движения: мол, в полиэтиленовом пакетике мясо может протухнуть, а в пергаменте полежит еще пару дней. Это отец, как ей до сих пор казалось, докупает ей рис и макароны, делая запасы в кухонном шкафу. Он же подметает кухню, следит за тем, чтобы все цветы были политы. Или же она, превратившись на время в своего отца, делает все это помимо своей воли, продолжая подчиняться ему?

Отец исчезает только тогда, когда в квартире появляется мужчина. Мужчина, который с хозяйским видом, голый, ходит по комнатам, почесывая густую шерсть на груди, который наливает себе виски или водку в замороженную рюмку, который грубо и устало, как-то уж совсем обыкновенно, поживотному, овладевает ею в спальне, кухне, ванной комнате – где его охватит желание. Но она знает, что отец все равно где-то существует, что он следит за ней откуда-то из космо-

са и у него руки чешутся от желания надавать тумачков мужчине, пнуть его больно в пах, чтобы неповадно было пользоваться его дочерью, что он ненавидит всех мужчин, которых она приводит к себе домой. Вот и получалось, что он даже после своей смерти оставался с ней рядом, контролировал ее.

Она проснулась от звонка. Кто-то пришел. Почему сердце так колотится?

Мужчина, о котором она думала утром и с которым мысленно уже, в сущности, рассталась, не мог прийти так рано. У него работа, и он на редкость ответственный человек.

Нина, кутаясь в одеяло и не желая расставаться с теплом и сном, добрела неспешно до двери и заглянула в глазок. Букет. Ну, точно! Это пришел Борис, ее любовник, потенциальный муж. Вот глупый! Правду говорят, что мужчины обделены интуицией. Он ничегошеньки не чувствует! Что она не любит его как минимум. Что просто проводила с ним время, используя его, тратя его деньги и позволяя ему мечтать о себе.

Она распахнула дверь и тотчас почувствовала мощный удар в грудь, от которого отлетела и рухнула, больно ударившись головой о стену. Букет острых роз обрушился на ее лицо, раня шипами, после чего он, словно ожив и взбесившись, раздвинув свои царапающиеся стебли, превратился во что-то белое и колючее, оказавшееся толстым шерстяным нос-

ком, которым ей забили, разорвав, рот.

Тот, который проделал с ней все это, кинулся в комнату, и она, мыча и извиваясь всем телом, попыталась хотя бы сбросить с головы ставшие дьявольски жестокими и насмешливыми розы, некогда ее любимые цветы. И когда ей это удалось, она подползла к двери и увидела мужчину в натянутой на голову вязаной шапке с прорезьями для глаз, который нервно шарил в ее письменном столе. На руках его были хирургические перчатки. Она снова замычала, хотела спросить, чего ему надо, если деньги, то она сама их ему отдаст. Но он не обращал на нее никакого внимания, сосредоточенно перебирая ее документы, бумаги, счета, фотографии.

– Сука! – услышала она его глухой, доносящийся из-под тугой, длинной, до шеи, шапки, голос и увидела в его руках то, что меньше всего ожидала увидеть. Он сунул *это* в карман, после чего подошел к ней, ногой, обутой в огромный черный кроссовок, сбросил с ее головы растрепанные остатки красных роз, наклонился над ней, схватил за вырез ночной рубашки, сгреб тонкую ткань с кружевами в свои кулачищи и дернул наверх, поднимая ее, Нину, с пола.

– Сука!

Она успела увидеть только его глаза в кривых прорезях шерстяной шапки – серые, холодные, мертвые.

От первого же удара, страшного, разламывающего голову, она ослепла, потом умерла. И остальных ударов уже не чувствовала...

25 сент. 2012

– Ма, я пошел!

Денис Васильев, молодой человек двадцати девяти лет, русоволосый, сероглазый, надел легкую куртку и направился к двери.

– Денис, стой! Ты что?! Пироги забыл! – Мама появилась на пороге с большим пакетом в руках.

– Ма, какие пироги?! Нет, я понимаю, конечно, что ты старалась, вчера столько времени с ними провозилась, но... Мне как-то неудобно, понимаешь? Приглашу их в пиццерию, угощу. Не обижайся, пожалуйста!

– Послушай, от домашних пирогов еще никто не отказывался! Уверена, что и твои женщины их оценят по достоинству.

На маме в это утро было желтое домашнее платье с ниткой настоящего жемчуга на шее, подарок Дениса. Она прямо-таки светилась от счастья, глядя на возмужавшего, красивого сына. Все-таки уже двадцать девять лет! Так хорошо, удачно все устроилось в его жизни – из автомехаников попал в нежные руки адвоката Лизы Травиной, которая, оценив его по достоинству, помогла с учебой и взяла к себе в адвокатское бюро. Правда, теперь Денис практически не бывал дома, зато

мама точно знала, что сын занимается важным и благородным делом – ловит преступников и защищает невиновных. Да еще и учится на юриста!

– Ну и что, что ты работаешь в самом престижном и дорогом адвокатском бюро... Ты же сам говорил, что Глафира твоя прекрасно печет и постоянно что-нибудь приносит из дома. Вот и ты принесешь, тем более что у тебя сегодня день рождения. Я тут еще и маринованные опята в сумку положила, и луковицу, твои женщины знают, как приготовить.

– Ладно. Ты права, Глафира знает толк в хорошей еде, и она поможет мне накрыть на стол. Уговорила!

Денис обнял маму и взял пакет.

– Ты не подумай, я не то что стесняюсь твоих пирогов или зазнался и теперь хожу только по дорогим ресторанам. Просто не знаю, как сложится день и будет ли у нас время вообще отметить день рождения. Я же тебе рассказывал, как иногда все происходит. То нет работы, а то вдруг позвонит, к примеру, Мирошкин и подключит нас к своим делам. Лиза его знаешь как уважает! Говорит, что он – золотой человек, всегда нам помогает, а это значит, что и мы тоже должны ему помогать. Работы много, но я не жалуясь, все так интересно, захватывающе!

– Я рада за тебя, сынок, – мама обняла его. – Хорошо, иди. Пироги все равно пригодятся. Ты сегодня ночуешь у себя?

– Думаю, да, – не без гордости ответил Денис, который

вот уже несколько месяцев занимал заднюю часть особняка, в котором располагалось адвокатское бюро Лизы и Глафиры, где у него был собственный вход. Это было решение Лизы, которая посчитала необходимым поселить своего помощника рядом с собой, под рукой.

Звонок Мирошкина застал Дениса по дороге в бюро.

– Долго жить будете, – сказал он веселым тоном, как и полагается хорошо выспавшемуся утреннему имениннику. – Что-нибудь случилось?

– Случилось, – голос Мирошкина звучал устало. – У Лизы сейчас, я знаю, не очень много работы, поэтому она отпустила тебя ко мне в помощники. Подгребай на улицу Пушкина. Знаешь, где это?

– Знаю, в самом центре, маленькая тихая улица...

– Вот-вот, увидишь там нас, машин понаехало... Не промахнешься.

– А что случилось?

– Труп у нас, Денис.

Улица Пушкина в этот сухой, теплый осенний день выглядела как-то уж подозрительно торжественно и нарядно – пышные желтые кроны деревьев прямо на глазах роняли свою золотую листву, из-за чего вся проезжая часть казалась словно устланной желто-оранжевым ковром. Посередине улицы, между Вольской и Горького, блестели своими чи-

сто вымытыми спинами машины МВД, прокуратуры. Денис припарковал свою машину между рестораном «Сад» и маленькой обувной мастерской «Каблучок». Вышел и быстрым шагом направился туда, где в самом эпицентре трагического события должен был находиться Сергей Мирошкин. В воздухе пахло горьковатой увядающей листвой и еще чем-то удивительно вкусным и одновременно нелепым. Должно быть, в ресторане готовили суп или жарили мясо. А совсем рядом от этого проявления жизни чья-то другая жизнь обрвалась. Убили женщину.

Сначала его не хотели пропускать, решили, что он – один из толпы зевак, которые пришли поглазеть на то, как из дома будут выносить труп, посудачить, обсудить происшествие, потолковать о том, кто и за что мог убить красивую молодую женщину.

– Денис, – окликнул его знакомый голос. Денис обернулся и увидел стоящего на крыльце дома следователя прокуратуры, коллегу Мирошкина, Андрея Суровцева, человека, с которым Денису пришлось поработать в прошлом году в качестве неофициального стажера. Суровцев был суров, как любила шутить Лиза, и заставлял Дениса работать с документами, разбираться в бумагах. Денис откровенно скучал, сидя за столом и изучая документы, но потом, когда начал разбираться что к чему, понял, что если он хочет посвятить себя юриспруденции, то первое, что он должен уметь, – это со-

ставлять документы: протоколы (опознания, принятия устного заявления, явки с повинной), ходатайства, прошения... Кроме того, ему не помешали бы и курсы русского языка – одним из показателей уровня образованности юриста является грамотное письмо.

– Пустите его, – приказал Суровцев, и полицейские, охранявшие вход в дом, расступились. Денис поздоровался за руку с Суровцевым и в эту минуту почувствовал себя совсем взрослым человеком, почти следователем, которого приняли в касту умных и отважных людей. Благодарный своему наставнику за этот жест, он проворно нырнул в темный прямоугольник двери и тотчас оказался в прохладном сыроватом коридоре. Маленькая лампочка освещала узкую лестницу с железными старинными перилами, ведущую на три ступени вверх, на лестничную площадку с расположенной на ней единственной квартирой, проход в которую был буквально забит стоящими и курящими, тихо переговаривающимися друг с другом мужчинами.

Денис, здороваясь с теми, чьи лица он хорошо знал, хотя и не был знаком с ними, протиснулся в самую глубь просторного коридора квартиры и увидел Сергея Мирошкина, находившегося рядом с судмедэкспертом Германом Туровым, осматривающим труп молодой женщины. Весь пол вокруг был усыпан растоптанными, буквально истерзанными розами, красные лепестки которых были похожи на разбрызганную по полу кровь. Подойдя поближе к трупу, Денис был по-

трясен тем, как была убита жертва.

– Гера, привет, – сказал он, не сводя глаз с залитого кровью лица женщины со сломанным носом. – Как ее убили? Я, конечно, не эксперт... Ее били по голове?

– А... Привет, стажер. – Гера бросил на Дениса быстрый, но весьма доброжелательный взгляд: мол, давай присоединяйся к работе, нашего полку прибыло. – Не могу сказать с уверенностью, пока не произвел вскрытие, но предполагаю, что смерть наступила от сильнейшего удара в голову. Не изнасилована, не удушена...

Денис поздоровался за руку с приблизившимся к нему Сергеем Мирошкиным.

– Здорово еще раз, Денис. Ее звали Нина Фионова. Жила одна. Не замужем. Детей нет. Соседи говорят, что работала в офисе здесь рядом, в фирме, занимающейся ремонтом компьютерной техники. Поскольку квартира огромная и расположена в старом доме, то, если даже она и кричала, стены здесь толстые, никто из соседей ничего не слышал. Ну и не видел, как это чаще всего и бывает. Или люди просто не хотят брать на себя ответственность рассказывать что-то. Слушай, Денис, мой человек приболел, людей, сам знаешь, мало, ты не мог бы помочь – опросить соседей? Заодно зайди в фирму, где она работала, поговори с коллегами. А я тут, с Германом, да и осмотреть все надо хорошенько... Я тебе еще позвоню, если выясню какие-нибудь подробности.

– Но у меня нет ксивы... Если потребуют...

– Ты же работаешь официально у Лизы, значит, у тебя есть документ, – Сергей устало взглянул в глаза Денису. – Помощник адвоката – это тоже немало. Скажешь, если спросят, что ты представляешь интересы родственников жертвы, вот и все.

– Хорошо, я все понял. Могу начинать прямо сейчас.

Соседи толпились возле подъезда, их можно было вычислить по домашней одежде и тому, как они с видом причастных к событию людей глазели на происходящее. В толпе можно было заметить официанток в красных фартуках, явно из соседнего ресторана, портних с поблескивающими на груди вколотыми в ткань кофточки или блузки швейными иглами и булавками, барменов в белоснежных, отглаженных белых сорочках, офисных, аккуратно одетых и причесанных служащих, дворничиху в оранжевом жилете с метлой в руках. Находились тут и случайные прохожие, которые в силу своего любопытства или равнодушия не могли пройти мимо, чтобы не спросить, что произошло.

После того как он поговорил с несколькими женщинами, жившими в соседних домах, и, не выяснив абсолютно ничего интересного, связанного с личностью убитой, он решил пойти по домам, звонил и, стараясь лишний раз не представляться, чтобы не удивить словом «адвокат», поскольку правильнее было бы назваться полицейским или следователем, он снова и снова просил вспомнить соседей о Нине Фионо-

вой.

Получалось, что девушкой она была необщительной, хотя и вежливой. Здоровалась всякий раз, когда встречалась с соседями на улице, никогда ни о чем не разговаривала, не спрашивала, и казалось, мысли ее всегда были чем-то заняты. Словом, серьезная девушка.

За конторкой в фирме, где трудилась убитая, сидела молодая женщина в белом свитере и курила.

– Мы занимаемся ремонтом компьютеров и офисной техники. Я, правда, здесь не работаю, я – жена хозяина, – представилась она. – Меня зовут Людмила. Мой муж, Виктор Петрович Мишин, позвонил мне примерно полтора часа тому назад и сказал, что Нину убили.

– Поскольку вы здесь не работаете, то не могли бы вы позвать кого-нибудь из персонала, кто видел ее на работе каждый день?

Она позвала мастера, его звали Валентин. Высокий хрупкий мужчина средних лет с умным сосредоточенным лицом. Казалось, перед его мысленным взором все еще стоял экран компьютера, несмотря на то что тело его переместилось из недр мастерской в приемную. Синие грустные глаза.

– Да, конечно, я видел Нину каждый день. Но сказать о ней ничего не могу. Знаете, она была какая-то нейтральная, что ли. Без эмоций. Но вежливая, это вам каждый скажет.

Еще очень аккуратная, мы знали, что вся документация у нее в полном порядке. И к посетителям была предельно внимательна. Знаете, трудно себе представить, что она так крепко кому-то насолила, чтобы ее убили. Да еще таким образом!

– Откуда вам известно, как ее убили? – спросил Денис.

– Да вся улица знает, что ее ударили по голове, изуродовали лицо. Сказали даже, что из квартиры ничего не пропало. Что это не ограбление. Если взяли деньги или что-то ценное, то все как бы встало на свои места. А тут...

Он говорил, не поднимая глаз, быстро проговаривая каждое слово.

– Знаете, не советую вам здесь терять время. У кого бы из наших вы ни пытались что-нибудь узнать про Нину, вам все скажут примерно то же, что и я. Она была закрыта для общения, никого не впускала к себе в душу. Никто из нас не знал, чем она живет, с кем и как. Причем создавалось впечатление, что ее поведение было таковым не случайно. Что она намеренно не подпускала к себе никого. У меня даже создлось такое впечатление, будто бы она когда-то давно сильно обожглась, может, у нее были подруги, которые предали ее, не знаю... Больше мне сказать нечего.

При появлении хозяина фирмы, высокого, упакованного в серый костюм, молодого мужчины со строгим лицом, Валентин испарился, будто бы его и не было. Людмила снова схватилась за сигареты.

– Для всех нас это просто шок! – прогремел Мишин, жестом приглашая Дениса к себе в кабинет, представлявший собой маленькую, захламленную, заставленную техникой комнатку с письменным столом возле окна и большой пыльной пальмой в углу. – Я готов ответить на любой ваш вопрос, но должен предупредить, что Нина была для всех нас как черный ящик, понимаете? Мы ничего о ней не знали. Понимаете, у нас вообще-то мужской коллектив, Нина была единственной женщиной, не считая, конечно, проходящей уборщицы. Будь рядом с ней женщины-коллеги, они своим опытным женским взглядом что-нибудь заметили бы, подслушали, я не знаю, подсмотрели... К примеру, как и с кем она разговаривает по телефону, во что одевается, что-нибудь о деньгах, подругах, мужчинах... Но она просиживала целыми днями в приемной одна, общаясь в основном с посетителями, – изредка приглашая наших мастеров. Если у нас и бывали какие-нибудь корпоративы, то они сильно отличались от праздников наших коллег, чьи конторы находятся по соседству от нас. Все дни рождения мы отмечали весьма скромно: выпивка и пицца. Выпьем, закусим, поздравим именинника и по домам. Или вообще продолжаем работать. К счастью, заказов у нас всегда много, работы невпроворот.

– Можно осмотреть ее рабочее место?

– Пожалуйста!

Денис понимал, что действует незаконно: этим должен заниматься Мирошкин или его помощники. Но предполагая,

что вряд ли он обнаружит в ящике конторки что-нибудь существенное, что может пролить свет на тихую и неприметную для окружающих жизнь Нины, решил довести дело до конца.

Он очень удивился, когда ящики оказались абсолютно пустыми. Мишин с женой, наблюдавшие за действиями Дениса с маленького дивана, на котором они расположились, с видимым удовольствием покуривая, даже встали, чтобы убедиться в этом.

– Как пустые? Что, совсем? Ни бумажки, ни документа?

Все ящики были абсолютно пустыми. И чистыми, словно их тщательно протерли.

– А как было раньше? Вы когда-нибудь обращали внимание на это? – спросил Денис у Мишина.

– Да, конечно! Цветные пачки бумаги для заметок, карандаши, ручки, скрепки... Господи, да вы и сами можете предположить, что может находиться в ящиках стола! К тому же Нина курила. В основном на крыльце, конечно. Я не мог настаивать, чтобы она бросила курить хотя бы потому, что мы с женой заядлые курильщики, и нам нравится это. Так вот, в ящике стола у нее всегда были запасы сигарет! Когда у меня они, к примеру, заканчивались, я знал, что у Нины всегда могу найти сигарету-другую.

– Как это странно... – сказала Людмила Мишина, подходя к столу и заглядывая в ящики. – А что, если в этих ящиках

лежало что-то важное, что искал преступник? Может, у нее на столе кто-то оставил по ошибке какой-нибудь важный документ. Преступник пришел сюда, обследовал все ящики и, не найдя ничего, пошел к ней домой и там убил ее?!

– Люда! – Муж посмотрел на нее страшным взглядом, в этот момент он явно стыдился своей жены.

– Быть может, стоит опросить всех ваших сотрудников, чтобы выяснить, не был ли кто свидетелем того, как Нина Фионова сама вычищала свои ящики? – спросил Денис. – И вызвать сюда уборщицу, чтобы выяснить, не было ли в мусорной корзине больше бумаг и мусора, чем обычно!

Денис вышел на свежий воздух с ощущением того, что он потерял время. Никто ничего не видел, не слышал. Получалось, что в этот день у Нины Фионовой был выходной, посетителей принимал сам Мишин. Несмотря на важный начальственный вид, он был простым в общении технарем, которому в свое время повезло с наследством, оставшимся от бабушки, с помощью которого он и открыл собственную фирму и нанял мастеров. Нина заглянула к ним случайно год назад, спросила, не требуется ли им секретарь, ей предложили место администратора, она быстро согласилась. То есть никакой протекции, никаких общих знакомых с Мишиным или с кем бы то ни было из персонала. Никто о ней ничего не знает.

Позвонил Мирошкин, сказал, что ждет его в ресторане «Сад». В шаге от того места, где находилась контора Мишина.

– Ну что, стажер... Ты извини, это я так, куражусь... – Сергей пригласил Дениса сесть за столик напротив себя. – Пообедаем?

– Можно... Хотя у меня сегодня день рождения, я хотел отметить у нас, то есть у Лизы... Мать пирогов положила, грибов, все это в машине... Может, получится встретиться всем вместе у нас, а? Хотя... – он совсем стушевался и покраснел. – Я понимаю, все заняты, у всех работа...

– Да брось ты, расслабься! Позвони Глафире и скажи все как есть: мол, надо бы отметить день рождения. Она добрая и умная, она поможет тебе. И устроим праздник! Я вот лично, к примеру, вообще не помню, когда ел домашние пироги. Ну а теперь предлагаю подкрепиться ресторанной едой. Я здесь первый раз, не знаю, как готовят и что заказывать.

– Один мой знакомый, ну, в общем, механик, когда не знал, что заказывать, или когда денег было в обрез, заказывал омлет. Беспроигрышный вариант. Яйца трудно испортить.

– Ну, не скажи! Ладно, не знаю, как ты, а я закажу себе куриную лапшу и сок. Вот.

– Ну и я тогда тоже.

Пока Денис рассказывал о соседях и коллегах по работе

Фионовой, Сергей Мирошкин с аппетитом поедал куриную лапшу. Выслушав его, кивнул головой, взял салфетку и вытер взмокший лоб.

– Ну что ж, интересно все это. Особенно пустые ящики письменного стола. Думаю, что это и есть самая настоящая зацепка!

– В смысле? Думаете, кто-то копался в ее столе?

– Здесь только два варианта: либо это сделал тот, кому это было зачем-то нужно, либо это устроила сама Фионова. Но вот объяснить этот ее поступок я пока не могу. Если бы она хотела что-то скрыть, спрятать, то зачем ей было выгребать все содержимое?

– А может, она разлила что-нибудь в ящиках? Или обнаружила там отраву для мышей? Нет-нет, все глупости!

– Думаю, что, скорее всего, это сделала все-таки не она. А тот, кто искал что-то среди ее бумаг и у кого не было времени как следует все проверить. Предположим, этот кто-то пришел в контору, отправил под каким-нибудь предлогом Фионову за водой или еще куда, или заявился туда вообще сегодня утром, когда ее не было на рабочем месте, у нее же был выходной, а начальник находился в своем кабинете... Словом, когда в приемной никого не было, преступник выгреб из ящичков все содержимое в какую-нибудь коробку или мешок и унес с собой.

– Нет, Сергей, я так не думаю. И знаете почему? Да потому, что эта приемная представляет собой еще и магазин,

то есть там на полках стоит оргтехника, клавиатуры, принтеры-сканеры, процессоры, много новой офисной техники, счетные машины... Не думаю, что приемную могли оставить так надолго без присмотра. Видимо, она сама это сделала. А что у нее дома? Нашли что-нибудь интересное?

– Ее бумаги, документы, все перерыто. Непонятно, что искали. Возможно, все это как-то связано с тем, что произошло на ее рабочем месте, но, может, и нет. Деньги, немного наличности, преступник не взял. Завтра, думаю, появится больше информации, связанной с ее банковскими счетами и телефонными разговорами. У нас на нее пока что ничего нет, совсем. Мы знаем только, кто она и где работала. Соседям ничего не известно ни о ее родителях, ни о близких...

К столику подошла официантка, принесла фарфоровый чайничек с чаем. Она была взволнована.

– Вы извините меня, конечно, я понимаю, что это не мое дело, но весь наш ресторан взбудоражен этим убийством. Я случайно услышала об этой девушке. Она бывала здесь иногда, покупала кое-что для ужина.

Мирошкин оживился.

– Очень интересно. Тогда не могли бы вы рассказать что-нибудь об этой девушке?

– Конечно, могу, но только то, что каким-то образом связано с нашим рестораном. Понимаете, наши постоянные клиенты иногда заказывают у нас закуски, салаты разные, вот

и эта девушка (я знаю, что ее звали Нина) тоже заходила к нам сюда, чтобы купить маринованные баклажаны и мясной салат, это были ее любимые блюда. Думаю, это происходило тогда, когда она ждала кого-то в гости, потому что трудно не заметить, когда девушка нарядна, взволнованна. Во всяком случае, мне так казалось, что она готовилась к свиданию. Но, может, я и ошибаюсь, и она покупала только для себя. Просто я думаю, что вам надо найти людей, с которыми она общалась, и мне кажется, что у нее был мужчина.

– А сюда она с мужчинами не приходила?

– В том-то и дело, что нет. Знаете, я вообще фантазерка и человек очень любознательный, да что уж там – любопытный! Всегда представляю себе наших посетителей вне ресторана, как они живут, как ведут себя, какие у них семьи. И когда я наблюдала за Ниной, у меня сложилось впечатление, что она живет как-то не совсем естественно, будто бы понарошку, словно играет какую-то роль. Или вообще шпионка! Скорее всего, у нее просто была связь с женатым мужчиной, вот и вся тайна! Иначе они непременно зашли бы к нам, она прекрасно знает, вернее, знала нашу кухню, и ей здесь все нравилось. Да и обстановка здесь у нас располагающая к спокойному времяпрепровождению. Здесь уютно... Нет, вы не подумайте, что я будто бы делаю рекламу, я всего лишь на всего официантка...

– Значит, она иногда покупала у вас закуски. И это все? – спросил Мирошкин.

– Нет. В прошлом году у нее умер отец, и она приходила сюда, чтобы заказать наш маленький зал для поминок. Она сразу предупредила, что людей будет немного, но меню было достойным, она не поскупилась. Выглядела расстроенной, конечно, плакала. Но все равно она была какая-то холодноватая девушка.

– Ничего интересного на поминках не заметили? Может, она с кем-то разговаривала, с кем-то была близка, ну там, родственники какие, друзья?

– Я заметила там одну свою знакомую, Марину Васильевну Трушину, она мамина приятельница, живет с ней на одной площадке на улице Саперной. Это в Ленинском районе. Мы поздоровались с ней, но поговорить не успели. Думаю, если она была на похоронах отца Нины, значит, они были знакомы. Если хотите, я позвоню маме, и она скажет телефон Марины Васильевны и точный адрес.

– Что-то холодновато стало, – сказал Мирошкин, когда они вышли из ресторана. Воздух стал прохладным, словно посинел, и все вокруг: фасады домов со стеклянными витринами, цветники с увядшими бархатцами и анютиными глазками – подернулось холодным голубоватым цветом. Толпа возле дома, где произошло убийство, рассеялась, машины разъехались, и только кроны высоких старых деревьев, заслонивших половину неба над узкой улицей, почернели и выглядели особенно мрачно. – Ну что, Денис, поезжай на Са-

перную, поговори с Трушиной, вдруг она что-нибудь расскажет тебе о Фионовой. Если она не родственница, то, может, знакома с родственниками погибшей. Словом, сам знаешь, что к чему, а я поехал, у меня дел невпроворот. Я понимаю, тебе, конечно, неинтересно все это, тем более что ты работаешь с Лизой, но кто знает, может, и я в скором времени вам пригожусь. Уверен, что завтра у меня появится новая информация по этому делу – результаты экспертизы плюс пробьем всех тех, кто успел наследить в доме Фионовой. Словом, поезжай, думаю, что мы быстро раскрутим это дело.

– Да вы оптимист, Сергей! – не выдержал Денис, которому на самом деле было смертельно скучно беседовать с какой-то там теткой, проживающей на Саперной, и которая, скорее всего, не имеет к делу никакого отношения. Она же просто была на похоронах отца Нины, и все! Возможно, она вообще случайный человек!

Уже в машине ему позвонила Глафира:

– Денис, привет! Слушай, я понимаю, что ты занят, но ты должен так распланировать свои дела, чтобы вечером, к семи часам, быть в конторе. Придет один важный посетитель, он захочет говорить только с Лизой, а у нее судебное заседание, потом она должна лично присутствовать на юбилее одной важной шишки, хотя бы полчаса, чтобы отметитья и вручить подарок, и только после этого освободится и вернется в контору. И меня тоже не будет, я записана к врачу,

и неизвестно, когда освобожусь. Пожалуйста, встреть этого человека, предложи ему кофе, займи его и ни в коем случае не отпускай, держи сколько сможешь, скажи, что Лиза застряла в пробке, что едет, и все такое, хорошо?

– Меня Мирошкин подключил к своему делу, я еду сейчас на Саперную, – проныл в трубку Денис. – Знаешь, Глафира, что-то день сегодня какой-то невеселый, честное слово. Ладно, конечно, я приеду к семи и сделаю все так, как ты просишь. Но, может, я сам попытаюсь с ним поговорить?

– Ладно, Денис, действуй по обстоятельствам. Я очень хорошо тебя понимаю. Мирошкин наверняка поручил тебе какое-нибудь скучное дело, кого-то о чем-то расспросить, снять свидетельские показания или что-нибудь в этом роде. Но, между прочим, это и есть наша работа. Это в кино все носятся друг за другом, стреляют, гоняют на машинах, а в реальной жизни следователя прокуратуры или в нашей с Лизой профессиональной жизни основная работа и заключается в основном в разговорах с людьми. Анализ этих разговоров дает очень много. И от того, как ты задал свой вопрос, зависит ответ. Зачастую люди, которые хотят что-то скрыть от нас и не понаслышке понимают значение слова «лжесвидетельство», попросту утаивают важную информацию, поскольку им не задают правильных вопросов. И потом, когда дело завершено, нам не к чему придраться, мы не можем привлечь человека за лжесвидетельство, поскольку ничего подобного и не было, просто в свое время его никто не спросил о самом

важном. Ты понимаешь, о чем я?

– Инструктируешь меня?

– Вроде того. Кстати говоря, у нас новое дело. Встретимся
– расскажу.

5

Людмила вышла из ванной комнаты и увидела, что ее любовник еще не одет, что он по-прежнему сидит за столом голый и доедает запеченную курицу.

Комната, где они встречались, была серой от сумерек. Свет не включали, чтобы не привлекать внимание соседей, возвращавшихся в эти вечерние часы с работы. Все знают, что квартира пустует, что в ней никого не должно быть. И о том, что хозяин оставил свои ключи друзьям для встреч, им тоже знать необязательно.

В квартире, понятное дело, никто не убирался, в идеальном состоянии была только постель, которую Людмила сама привезла сюда из дома, и ванная комната, которую она время от времени приводила в порядок. Посуда, из которой они с Максимом ели и пили, была одноразовая и выбрасывалась каждый раз вместе с остатками курицы, которая покупалась в соседнем гастрономе, или ресторанной еды, которую привозил откуда-то сам Макс.

Людмиле все эти свидания уже очень скоро стали в тягость. Если раньше, когда она поддерживала перед семьей видимость верности и благополучия, она изредка встречалась с Максимом, и эти встречи как-то разнообразили ее жизнь, да и в душе ей было приятно насолить мужу, то теперь, когда муж перебрался в родительскую квартиру и жил

отдельно и она могла проводить с Максом хоть сутки напролет, благо дети выросли, и у них была своя жизнь, и им не было никакого дела до ее времяпрепровождения, оказалось, что и Максим ей наскучил. Больше того, он становился ей в тягость. Страсть поутихла, и теперь их встречи приобрели какой-то пошловатый характер. Не свидания, а какие-то спаривания. Может, другие женщины, более темпераментные, и получали бы от этого удовольствие, но только не Люда. Во всем этом ей нравилось совсем немного. Разве что она сама, красиво одетая, благоухающая духами, поднимающаяся по ступенькам на тонких шпильках, как героиня какого-нибудь французского фильма. И первые минуты перед близостью, когда Макс обнимал ее, шептал ей слова любви, увлекал в комнату, усаживал на кровать и целовал ее. Быть может, ей нравились и первые минуты их совместного обеда, эти приготовления, этот приятный голод, который они намеревались утолять вместе, вид разложенного на тарелках мяса, зелени, фруктов, это пузырящееся шампанское, клубника... Но вот потом, когда она оставалась совсем без одежды, на кровати, под тяжестью мужчины, ей хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, свершилось, чтобы она освободилась наконец, спряталась в ванной комнате и отмылась от тошнотворного запаха мужчины, от его навязчивой тяжести, от липких прикосновений. Одевалась она поспешно, натягивая тонкие чулки, дрожащими от нетерпения пальцами застегивая бюстгальтер, пуговицы на платье или блузке. Она

сама смахивала со стола остатки пиршества в большой пластиковый пакет, пока Максим сворачивал постель, запихивая пухлый рулон в шкаф. Они торопились так, словно их могли застать за чем-то непотребным, преступным. Да, они были преступниками. Макс изменял своей жене, она – своей семье. И хотя ее уже не связывали отношения с мужем, все равно ей казалось, что она делает что-то непотребное, нехорошее, за что ей когда-нибудь придется расплачиваться.

Возвращаясь домой после свиданий, она больше всего боялась, что от нее все еще пахнет мужчиной, его телом и одеколоном. Поэтому, раздевшись, она снова принимала душ, только уже в своей ванной, пользуясь своими шампунями, гелями, кремами и духами, и выходила в своем халате чистая, прежняя, почти невинная. И разговаривала с детьми ровно, спокойно, словно и не было в ее жизни тайны, словно она только что вернулась из своей пирожковой, где работала бухгалтером, а не из чужой квартиры, пропитанной предательством и обманом.

– Ма, тебе звонили, – выглянула из своей комнаты дочь Маша.

– Кто?

– Какая-то женщина тебя спрашивала, сказала, что придет вечером. Голос совсем молодой.

– Да, знаю, и мне тоже звонила. Понятия не имею, кто она такая и что ей от меня нужно. Сказала, что хочет со мной поговорить.

Маша пожала плечами и снова скрылась в своей комнате.

Надо бы зайти к ней, расспросить, как у нее дела, как ее отношения с подружкой, не помирились ли. С тех пор как они поссорились из-за парня, Машка ходит сама не своя и придумывает, как бы отомстить бывшей подружке.

Ладно, она зайдет к ней позже, после ужина. А сейчас надо очень быстро приготовить ужин. На троих. Это раньше она готовила на четверых, сейчас все изменилось. Теперь то место, где прежде сидел муж, занимает Гриша, сын. Шестнадцатилетняя жертва сложного возраста, нежный мальчик, который изо всех сил старается казаться циником, пофигистом и просто плохим мальчиком. Который болеет футболом и Интернетом и просто разрывается между ними.

После ухода Дмитрия в доме мало что изменилось чисто внешне. Разве что его место за столом заняли. В целом же все оставалось по-прежнему.

Людмила тысячу раз спрашивала себя, легче ли ей стало от того, что он ушел. И понимала, что ответ напрямую зависит от того, как она сама ставит вопрос: ее бросили? Она выгнала его? Если выгнала, значит, легче. Если ее бросили, значит, ей должно быть обидно и больно. Но боли не было. Было чувство облегчения и вместе с тем – вины. Еще ей было стыдно перед детьми за то, что они не имели возможности общаться с отцом так, как прежде. Что теперь им приходилось ездить к нему, чтобы поговорить, посоветоваться. Может, они и догадывались о том, что у нее кто-то есть, воз-

можно, обсуждали это с отцом, но как это выяснить? Да и зачем это нужно?

Зарплату ей в пирожковой подняли. Гриша выиграл олимпиаду по физике, и ему подарили компьютер. Дмитрий, вернувшийся к своим художественным занятиям, удачно продал семь акварелей и все деньги подарил Машке на день рождения, и она купила себе японский спортивный мотоцикл. Кто знает, если бы не это, может, она так и продолжала бы париться относительно своей предательницы-подружки, а так – мотоцикл отвлек ее, дал возможность пожить другой, новой для нее жизнью. Новые знакомства, новые впечатления...

То есть некоторое положительное движение в семье все же произошло, все трое какое-то время были счастливы, даже если им это и казалось. Поэтому вряд ли кому-то из детей придет в голову обвинять ее в том, что она спровоцировала развод.

Людмила добавила в фарш натертый на терке лук, хлебный мякиш, хорошенько все смешала и налепила котлеты. Выложила их на раскаленное масло, и по кухне тотчас поплыл аромат жареного мяса, хорошей и дружной семьи, аромат благополучия и уверенности в завтрашнем дне.

В дверь позвонили. Людмила, чувствуя спиной взгляды высунувшихся из своих комнат детей, открыла дверь. Перед ней стояла высокая стройная молодая женщина в черной

курточке и черных брюках. Светлые волосы струились до пояса. Она была необычайно хороша, ее лицо украшал свежий, появившийся благодаря осеннему вечернему холоду и ветру румянец.

– Меня зовут Елизавета Сергеевна Травина, я вам звонила сегодня, – сказала она с улыбкой, не предвещавшей ничего плохого. – И вам – тоже, – она взглянула поверх плеча на Машу. – Ведь я же с вами говорила?

Машка поспешно ретировалась, Гриша тоже прикрыл за собой дверь.

– Проходите, пожалуйста... Мы же незнакомы? – спросила Людмила на всякий случай. – Не думаю, что мы встречались.

– Да, незнакомы, но кое-что я о вас все-таки знаю, – посетительница решительно прошла в кухню, словно влекомая запахом готовящегося ужина, и этой своей решимостью уже вызвала в Людмиле чувство неприязни, раздражения. Кто она такая? Может, любовница Дмитрия?

– И что же вы обо мне знаете?

– Я – адвокат, помогаю вашему бывшему мужу...

– Вообще-то, официально мы еще не разведены.

– Я в курсе. Если хотите, я буду называть Дмитрия вашим мужем, – невозмутимо продолжала Травина. – Это не принципиально. Я пришла к вам, чтобы поговорить не о разводе, а о сестре Дмитрия, погибшей Стелле.

– Ах, вон оно что! – всплеснула руками Людмила, багро-

вея на глазах Травиной. Она всегда краснела, когда сильно нервничала, и ничего с этим свойством организма поделать не могла. Кровь прилиwała к расположенным близко к поверхности кровеносным сосудам, выдавая ее стыд и страх. И так было всегда. – А я-то все думаю, чем я могла заинтересовать вас?! Снова эта история. И когда только он угомонится?!

– Думаю, он сильно любил свою сестру. Возможно, она была для него очень близким человеком. Вы же знаете, как нелепо она умерла. Ее ударили в живот. Причем очень сильно. Вряд ли это сделал человек, который просто был раздражен тем действием, которое разворачивалось на его глазах и было связано с предметом разговора, собрания. Это было убийство, Людмила. И я вместе со следователем прокуратуры помогаю найти убийцу.

– А что вы хотите от меня? Дима сказал вам, что я терпеть не могла его сестрицу? Да, я этого никогда и не скрывала...

Гриша появился в кухне.

– Ма, есть скоро будем?

– Гриша, зови Машу, садитесь, вот тут все на сковороде, а мы пойдем в комнату...

Людмила увела Травину в гостиную, предложила ей сесть в кресло, даже придвинула пепельницу.

– Я не курю, – сказала Лиза, расстегивая курточку. – У вас

тепло... А на улице такой холод! Людмила, дело не в том, что вы ненавидели Стеллу. Больше того, я даже где-то как-то понимаю вас, ведь у вас дети и вам, как матери, надо заботиться о них, думать об их будущем, и вы испытывали чувство неприязни с сестре вашего мужа за то, что она, живя одна в родительской квартире, не собирается разменивать ее, словом, делиться. И что это несправедливо по отношению к мужу. В чем-то вы, конечно, правы. Но, с другой стороны, Дмитрий, как ваш муж и отец ваших детей, позаботился о том, чтобы обеспечить свою семью жильем, купил для вас квартиру, где мы сейчас и находимся, не так ли? Таким образом, он сделал все возможное, чтобы не трогать, не делить родительскую квартиру, оставив ее своей сестре. Возможно, хотя это и так теперь ясно, Дмитрий держал ее для себя... Отношения ваши были сложными, вы последнее время не ладили, и он предполагал, что рано или поздно вы расстанетесь, и он вернется в ту самую квартиру, к своей сестре. Разве вам это не приходило в голову?

– Знаете что, я не собираюсь обсуждать с вами мои семейные дела. Давайте уже задавайте свои вопросы и уходите. Мне все это неприятно...

– Видимо, вы просто не понимаете всю серьезность ситуации, но я сделаю все возможное, чтобы делу дали ход и расследование продолжилось. А раз так, то вы должны знать, что вы пока что – единственный человек, у которого был мотив избавиться от Стеллы.

– Что? – Людмиле показалось, что щеки ее сейчас лопнут от притока крови. – У меня – мотив? Какой еще мотив?

– Стеллу убивают, квартира освобождается, и вы пускаете туда квартирантов! А потом, возможно, разменяете ее на две квартиры меньшей площадью для своих детей, сами же останетесь с Дмитрием в этой квартире. И таким образом квартирный вопрос в вашей семье будет решен!

– Вы пришли сюда, чтобы сказать мне об этом?

– Нет. На самом деле я пришла, чтобы задать вопросы, связанные со Стеллой. Какая она была? Что вы знаете о ее личной жизни? Кто еще мог желать ей смерти?

– Вы даже не представляете себе, сколько разных версий мы с Димой строили насчет ее смерти! – Людмила сбавила тон и теперь старалась говорить спокойно, как если бы минуту назад ее никто и ни в чем не обвинял. И только она одна знала, насколько ей было трудно держать себя в руках. – Про ее личную жизнь мы знали только то, что она встречается с Германом. И что он, кажется, женат. Стелла работала в музее, поэтому мы не исключили и того, что ее могли убить...

– Так все-таки вы допускали такую возможность?

– Да, Дима допускал, это он с самого начала считал, что сестру убили. Я же всегда знала, что это просто несчастный случай.

– Так что вы говорили про музей?

– Незадолго до смерти Стеллы из музея были похищены какие-то ценности. Об этом еще писали в местной газете.

Вот мы и предположили, что Стелла могла что-то знать об этом, могла кого-то, и небезосновательно, подозревать. С одной стороны, музейный работник – человек тихий, безобидный и как бы никому не интересный. Но это до поры до времени. Пока кто-нибудь не заинтересуется этим музеем с преступной целью.

– Золотые слова! И что же из него было похищено?

– Не знаю точно, я не читала, но говорили, что какие-то ценные вещи...

– Понятно. Скажите, а ваши дети, как они относились к Стелле? К своей тете?

– Они ее любили. Она же была доброй, постоянно подкидывала им денег, сладости, подарки. Она была хорошей тетей. А детям что надо-то? Вот они ее и любили. И когда она умерла, они так плакали! И Гриша, и Маша, – Людмила перевела дух. – Вот скажите, Елизавета...

– ...Сергеевна.

– Елизавета Сергеевна! Вот что вы хотите от меня? Чтобы я призналась в том, что пришла на это собрание и ударила ее? Или что я наняла кого-то, чтобы это сделать? Я что, похожа на убийцу? Я – мать двоих детей!

– Вот именно! У вас их двое! Поэтому ваш мотив очень ясный. Это во-первых. Во-вторых, именно тот факт, что вы – мать двоих детей, и является основанием для того, чтобы задумать, а потом и осуществить преступление. Скажите, вы знакомы с той женщиной, которая позвала Стеллу на собра-

ние?

– А... Это вы про Таю! Да, я знакома с ней. Но Дима сказал, что она не имеет вроде бы никакого отношения к собранию, на котором погибла Стелла. Но вы сами встретитесь с ней, поговорите. Хотя она такая женщина... Словом, не простая. И теперь, после всего, что произошло, она, даже если и имела отношение к собранию, вряд ли станет рассказывать вам всю правду. Она себе на уме. Женщина-шкатулка. Как и Стелла. Они были, как два сапога – пара.

– Послушайте, Людмила, я понимаю, все эти разговоры вам крайне неприятны, да и Стеллу вы не любили. Но все равно, вот попытайтесь представить себе, конечно, не дай бог, что такая трагедия произошла с вашим близким человеком. Неужели вы и тогда бы оставались столь равнодушной? И поверили бы в то, что девушку задела локтем случайно?

– Я рассказала все, что знала. Мне больше нечего добавить, – заносчиво произнесла Людмила, которую сильно тяготил весь этот разговор. – И не могу себе представить человека, которому понадобилось зачем-то убивать Стеллу.

– Следовательно, который занимался этим делом, разговаривал с вами? Где вы сами были в тот момент, когда Стелла погибла?

– Ну уж точно не на собрании! Дома я была. Это точно. Можете у детей спросить. Мы с Димой купили гладильную машину, и я с самого утра гладила. Все на свете перегладила, дорвалась.

– Скажите, Людмила, а чем сейчас занимается ваш муж?

– Что это значит – «чем занимается»? Работает, деньги зарабатывает. Раньше-то он был главным редактором и директором одного фермерского журнала, но потом все бросил и занялся тем, чем он, по его выражению, всегда мечтал заниматься: пишет картины. Ушел от нас в ту квартиру, где Стелла жила, то есть в родительскую, и живет там себе спокойно. Рисует. Говорит, что нашел покупателя, который приобретает у него работы. Не все, конечно. Уверена, что этот человек просто ничего не смыслит в живописи. А может, и вовсе жалеет. Я не удивлюсь, если узнаю, что картины покупают его знакомые. Тот же человек, который спонсировал его журнал.

– Фамилию не помните?

– Нет, – она почувствовала, как щеки ее снова запылали.

– Людмила, маленькая ложь рождает большое недоверие.

Вы понимаете, о чем я?

– Послушайте, оставьте уже меня в покое! Вы не следователь, вы просто адвокат, который пытается за деньги что-то там выяснить... Это не профессионально по меньшей мере. Занимайтесь лучше своими прямыми обязанностями, защищайте преступников. Не знаю, сколько стоят ваши услуги, но мне все равно жаль тех денег, которые мой бывший муж дал вам. Лучше бы он потратил их на детей, чем гоняться за призраками. Может, я и покажусь вам жестокой, но повторяю то, что не единожды говорила Дмитрию: Стеллу уже все равно не вернуть. Живые должны думать о живых. Вот так-то вот!

Она дала понять Травиной, что разговор закончен. Лиза поднялась. От ее прежней, наверняка дежурной улыбки не осталось и следа. Ее лицо выражало крайнюю степень разочарования. Людмила же мечтала только об одном – чтобы она поскорее ушла. Уж слишком подозрительная она была. Ну и что, что адвокат? Не случайно же Дмитрий обратился именно к ней, может, она знает что, может, у нее связи в прокуратуре! В любом случае Дмитрий не такой человек, чтобы сорить деньгами. Может, он, конечно, и занимается любимым делом, но денежки ему достаются трудом. Кто знает, может, он ночами трудится над своими картинами, чтобы заработать. Да и к первому попавшемуся специалисту, который мог бы ему помочь в поисках убийцы сестры, вряд ли обратился бы. Сначала бы все узнал, выяснил, можно ли довериться частному детективу и следователю или адвокату, а уж потом раскрыл бы душу, а заодно и кошелек.

Людмила ждала от Травиной прощальной колкости, комментария, какой-нибудь хлесткой и угрожающей фразы, типа «Я с вами не прощаюсь» или «Мы еще увидимся», но ничего подобного не последовало. Лиза на пороге даже улыбнулась ей, мол, извините, у меня работа такая. И ушла.

Людмила вошла в кухню, где за столом ужинали дети.
– Ма, что ей надо было? – нахмутив брови, спросила Ма-

ша. Она стала совсем взрослая, и взгляд у нее был далеко не детский. Словно за то время, что она страдала из-за своей неразделенной любви к парню, стала старше на целую жизнь. А еще она словно что-то почувствовала или же что-то знала?

– Ладно, я пойду, – Гриша одним большим глотком допил чай и поднялся со своего места. – Если бы вы только знали, до какого я уровня дошел!

Людмила инстинктивно прижала сына к себе, поцеловала в светлую макушку.

– Ты уроки сделал? – спросила она машинально.

– Ма, ты чего? Конечно, сделал, стал бы я играть на компе?!

Гриша с возмущенной миной на лице ушел, а Маша продолжала все так же испытующе смотреть на мать.

– Так зачем она приходила? Я слышала, она сказала, что адвокат. Что, так все серьезно?

– Ты о чем, Маш? – Неприятный холодок пробежал по спине Людмилы.

– Мама, я не слепая и не глухая, и я многое вижу и понимаю. Это вам с папой казалось, что мы сидим каждый в своей комнате и занимаемся своими делами. Ты давно уже живешь своей жизнью, и я не осуждаю тебя за это. Папа разлюбил тебя, и это было очевидно. Вот почему я ни словом тебя не упрекнула, ничего тебе не говорила... Но я же хорошо помню тот день, когда ты, не зная, что я дома, привела того мужика, ну, полного такого... Я знаю, что он тебе не

нравился, что он некрасивый, и все такое, но он – фермер, богатый, и с ним бы ты, может, не знала нужды, да он тебя бы на руках носил!

– Маша, что ты такое говоришь? – Людмила от удивления чуть не поперхнулась чаем. – Какой еще фермер?

– Бобров, ну, тот, о котором папа часто писал, его ферму рекламировал. У него мясо, молоко, масло... Он был влюблен в тебя, постоянно тебе звонил, подкарауливал утром, когда ты отправлялась на работу, знаю, что часто заходил к тебе в пирожковую. Нам мясо привозил...

– Ладно, было такое, ну и что? У нас-то с ним ничего не было, и твоему отцу я не изменяла.

– Я и не говорю, что у тебя с ним что-то было! – раздраженно воскликнула Маша, сверкая глазами. – Он не нравился тебе, но был влюблен в тебя...

– И что? – Людмила, потрясенная тем, что может знать дочь, покрылась испариной. – Что дальше-то?

– Да то, что я слышала, как ты говорила ему как раз тогда, когда он приходил к тебе и когда домогался тебя, приставал... Вы говорили о Стелле, ты еще сказала ему, что вот, если бы ее не было...

– Маша, замолчи! Что ты говоришь?! Ничего такого не было!

– Не думаю, что он сделал это сам, – продолжала Маша, не обращая внимания на мать, – у него есть деньги, поэтому он мог нанять кого-нибудь... Но именно после этого разговора

Стеллу...

– Замолчи! – зашипела Людмила. – Не знаю, что тебе там показалось... Ты вообще бредишь!

– Ма, я твоя дочь, и я никогда не выдам тебя. И если вдруг эта адвокатша до чего-нибудь докопается, знай, что я всегда буду на твоей стороне.

– Маша, – Людмила перешла на шепот, – ты что, на самом деле думаешь, что это он, Бобров, все это сделал? Но если ты все слышала, то знаешь, что это была его инициатива... Я вообще тогда перевела разговор на Стеллу, чтобы он остыл немного... Боже мой, и ты была в это время в своей комнате!

– В том-то и дело! А разговаривали вы в прихожей, как раз возле моих дверей. Вы поговорили, ты даже не впустила его в квартиру, и вы ушли вместе...

– Маша, пожалуйста... – Людмила почувствовала, как дрожит. – Давай забудем это. Мало ли о чем мы тогда говорили... Я ни о чем таком его не просила, просто сказала, что Стелла слишком хорошо устроилась в этой жизни... Гена же привез мясо, говядину, много, твой отец предупредил меня, сказал, чтобы я часть отделила Стелле, вот я и разозлилась тогда, ляпнула, не подумав, что, мол, она хорошо устроилась, и живет одна, и все ей на блюдечке с золотой каемочкой, ну, словом, ты все слышала...

– Послушай, я же не просто так сейчас все это вспомнила. Ты хотя бы поняла, кто у нас сейчас был? Ты назвала ее

пренебрежительно адвокатшей... Она не просто адвокатша, она, во-первых, блестящий адвокат, во-вторых, похлеще любого следователя прокуратуры будет. Это же известная в городе баба, Лиза Травина! Она работает на пару со своей подругой, Глафирой, фамилию не помню, распутывают разные дела, мне Валя рассказывала, Паравина. Эта Лиза Травина ее отца просто спасла, причем сделала это так ловко... Она сама нашла того, кто его подставил, да только этот тип до суда так и не дожил... Словом, это крутая баба, и если папа обратился к ней за помощью, то девяносто процентов, что она отыщет того, кто убил нашу Стеллу. И если это сделал Бобров, неважно, чьими руками, то ты должна быть очень осторожна, понимаешь? И лучше, если ты ему скажешь об этом, чтобы и он тоже знал, что следствие по этому делу продолжается. Я только одного не могу понять: где отец взял столько денег? Услуги Лизы Травиной стоят очень дорого, это я точно знаю.

– Может, мы на самом деле не знали, насколько талантлив твой отец, а? – Людмила была рада сменить тему. Хотя ее всю трясло, и она до сих пор не могла поверить в то, что Бобров на самом деле мог нанять человека, чтобы убить Стеллу. Если это так и если Травина найдет убийцу, то тот сдаст Боброва, а он все свалит на нее, Людмилу, как на организатора убийства!!! – Думаю, что ему просто повезло, и он нашел человека, который совершенно не разбирается в живописи, но у которого много денег. Скорее всего, это кто-нибудь из

его друзей, кто сильно поднялся за последние годы. Уверена, что это какой-нибудь фермер...

– Бобров?

6

– Знаешь, эта история становится все интереснее и интереснее, и если внешне она кажется не достойной внимания и на самом деле смерть несчастной Стеллы смахивает на несчастный случай, что-то подсказывает мне, что мы затронули нерв какого-то другого, более страшного преступления, – говорила Лиза, пока Глафира везла ее по адресу, по которому проживал Дмитрий Арсенин.

– Думаешь, она была свидетельницей другого преступления, которое тщательно скрывается?

– Так часто бывает. Убивают совершенно невинного, нейтрального по жизни человека, вот какую-нибудь музейную мышь или сторожа, консьержку или продавщицу, маникюршу или портниху, и потом выясняется, что этот человек просто оказался не в том месте и не в то время, что он увидел, как кто-то кого-то зарезал, сбил машиной, отравил или просто пробежал мимо, в то время как надеялся, что его никто не увидит. То есть кто-то заготовил себе алиби, а вот такой простой и безобидный человечек, как Стелла, одним своим взглядом, брошенным на преступника, в состоянии разрушить это самое драгоценное алиби. Если убийца обладает профессиональной подготовкой, то он действует дерзко и решительно: зарежет где-нибудь в темном углу, в подъезде например, или застрелит из пистолета с глушителем...

Здесь же налицо тщательная подготовка. Убийца пришел на собрание, зная наверняка, что Стелла уже там. Возможно, разыскал ее глазами, может быть, вызвал для разговора в самый дальний угол зала, заинтересовал ее чем-нибудь, а потом, пользуясь определенным моментом – к примеру, когда в зале поднялся шум из-за выступления какого-нибудь эмоционального спорщика, – задвинул девушку в самый угол и ударил ее сильно в живот...

– Не в живот, а куда-то в бок... Лиза, но как он мог знать наверняка, что она умрет? Разве что он точно знал, куда бить?

– Если бы она не умерла сразу, то он, возможно, придушил бы ее. В любом случае если мы все же рассматриваем эту смерть как предумышленное убийство, то вряд ли он оставил бы ее живой. Знаешь, я попросила Геру Турова попытаться вспомнить, не было ли в его практике подобного случая – смерти от удара в живот, в бок, словом, от разрыва селезенки. И он сказал мне, что приблизительно восемь лет тому назад у него уже был такой труп. Молодой парень двадцати пяти лет скончался от того, что его друг во время борьбы на пляже – они просто играли, дурачились перед девчонками – не рассчитал удар и попал ему прямо в бок, в опасное место, в селезенку. И тот тоже умер мгновенно. Был суд, и другу дали условный срок. Я даже фамилию запомнила – Наполов. Никита Наполов.

– А что, если это он?

– Надо проверить. И попробовать выяснить, не было ли за последние десять лет подобных фактов. Ведь в городе не один судмедэксперт Гера Туров, есть и другие. Ну и узнать адрес этого Никиты Наполова. Ну что, Глаша, мы приехали? Послушай, как же быстро стало темнеть...

Машину припарковали на въезде во двор дома, где проживал Арсенин. Вышли из машины, под ногами мягко пружинил толстый пласт влажной опавшей листвы с черных, прятавшихся в темноте деревьев. Яркий уличный фонарь освещал часть пятиэтажного старого дома с примыкающими к нему спящими машинами. В светящихся окнах дома мелькали, как в экранах телевизоров, люди – ужинали, смотрели телевизор, разговаривали, ругались, слушали музыку, целовались, смеялись...

На крыльце они заметили темную фигуру человека. Это был встречающий их Дмитрий Арсенин.

– Я ждал вас, – сказал он, заметно нервничая. – Я и чай заварил. Пойдемте, здесь так холодно и влажно! Знаете, скоро в город придет грипп.

– Дмитрий, надеюсь, вы понимаете, что мы приехали сюда не из праздного любопытства, что нам действительно важно просмотреть все документы и бумаги вашей сестры. И это просто замечательно, что вы все сохранили...

– Я все понимаю, Лиза! Что же касается того, что я все сохранил, так это же естественно! Я и платья ее оставил так, как они висели в шкафу. И на туалетном столике все оста-

лось, как при ее жизни. Вы не подумайте, у меня с психикой все в порядке, но просто мне до сих пор не верится, что ее нет. И когда я вижу ее комнату такой, какой она была при жизни Стеллы, мне становится как-то легче. Думаю, что мы, живые, должны все же уважать тех, кто ушел. И помнить о них. Ну вот мы и пришли.

Крутая лестница с отполированными деревянными перилами, лестничная площадка с желтыми выщербленными плитками пола, массивная железная дверь, задекорированная под темное дерево, желтого металла ручки.

Дмитрий распахнул дверь и пригласил женщин войти. В нос тотчас ударил запах свежего скипидара, новой бумаги и осеннего вечера. Должно быть, где-то в глубине квартиры было распахнуто окно, чтобы впустить свежий воздух.

– Да, у меня пахнет, я же пишу масляными красками... Это скипидар, растворители... Вы уж извините. Пойдемте сразу в кухню, там просторно и не такой сильный запах... – он быстро снял черное пальто, в котором был, и помог раздеться женщинам. – Пожалуйста, сюда.

Кухня напоминала современную студию, выполненную в бордово-коричневых тонах. Минимум мебели, длинный полированный стол вишневого цвета, выстроенные в два ряда удобные мягкие стулья с полосатой золотисто-красной обивкой. Паркетные полы сверкают, как если бы их недавно по-

крыли лаком. На высоком круглом столике – желтая каменная, в золотых прожилках, ваза с букетом бордовых роз. Не бросающаяся в глаза, приглушенная хорошим вкусом хозяйина роскошь.

– У вас очень красиво, – восхитилась Глафира, с удовольствием усаживаясь на предложенный хозяином стул. – Вы сами все это придумали?

– Конечно. Благо площадь позволяет... Думаю, что Стелле бы тоже понравилось. Чай? Я заварил отличный чай. И купил кексы. Давайте сначала почаяевничаем, а потом пойдем в ее комнату. Знаете, я так замерз, пока вас встречал! Хотя, думаю, что это, скорее всего, нервное.

– Фамилия Наполов вам ни о чем не говорит? – спросила на всякий случай Лиза.

– Что? Нет, я не знаю человека по фамилии Наполов. Вот, пожалуйста... – он поставил перед дамами чашки с дымящимся чаем и тарелку с печеньем.

И Лиза, и Глафира не могли не отметить, что всем своим поведением Дмитрий выдает в себе человека, с замиранием сердца радующегося жизни, буквально любому ее проявлению. словно после смерти сестры он начал жить за двоих, полно, радостно, активно. Он, вырвавшись из семьи, в которой ему было душно последние годы, и разорвав отношения с опостылевшей женой, вдохнул свежего воздуха свободы и устроил свой собственный, комфортный мир. Он жил так,

как мечтал, занимался тем, чем хотел, и был бы, пожалуй, по-настоящему счастлив, если бы не гибель сестры и желание во что бы то ни стало разыскать того, кто лишил ее жизни.

– Я позвонила подруге вашей сестры, Таисии Брагиной, мы с ней встречаемся завтра, – сказала Глафира. – Какой прекрасный чай!

– А я имела удовольствие сегодня познакомиться с вашей женой, – сказала Лиза. – Первое впечатление, говорят, самое верное, но уж слишком она показалась мне агрессивной, раздраженной. Скажите, это ее естественное состояние, или же она звереет, когда только слышит имя вашей сестры?

– Знаете, порой мне кажется, что она просто ищет любви и что вся ее агрессия – лишь попытка скрыть одиночество. Я искренне желаю ей найти человека, которого она бы полюбила и который полюбил бы ее. Тогда она успокоилась бы и радовалась тому, что имеет. В сущности, ее ненависть к моей сестре была не чем иным, как разновидностью эгоизма и, конечно, ревности. Она ревновала меня к сестре, считала, что я слишком нежно отношусь к ней. У Стеллы всегда были деньги и много свободного времени. И это не потому, что она много зарабатывала, вы сами можете представить, сколько зарабатывают музейные работники. Просто она была человеком неприхотливым, мало тратила и без труда откладывала. К тому же у нее были золотые руки, она прекрасно шила, вязала. Поэтому всегда была оригинально одета, приходила к нам с подарками, сладостями, деликатесами, особен-

но баловала племянников и посвящала им много времени. И это не могло не бросаться в глаза на фоне того образа жизни, который вела Люда. Она, мать двоих детей, к тому же работающая женщина, просто зашивалась. На ней было все хозяйство, весь быт, сами понимаете. Я, как мог, помогал, но все равно основную работу приходилось выполнять ей. У нее не было ни минутки свободного времени. Поэтому появление в доме выпавшейся, отдохнувшей и внешне довольной жизнью спокойной Стеллы уже не могло не вызвать в ней раздражения. Во всяком случае, мне так казалось. Она же и подумать не могла, как страдает Стелла от одиночества, от невозможности соединиться с любимым женатым человеком и родить ему детей. Да она, быть может, сама хотела бы занять место Людмилы, готовить обеды и ужины для семьи, гладить рубашки для любимого... Знаете, я озвучиваю сейчас такие простые вещи, что мне стыдно за то, что я трачу на это ваше драгоценное время... Я немного успокоился, теперь могу показать вам комнату Стеллы. Пойдемте?

Комната Стеллы нуждалась в ремонте. Белые, в розовую полоску обои, старенький диван, прикрытый пушистым шерстяным черно-белым пледом, кружевные занавески на окнах, на полу – протертый красный ковер, старое кресло, обнимающее пухлую диванную подушку, письменный стол со стопками книг – преимущественно поэтические сборники, деревянная резная шкатулка, в каких женщины хранят

нитки и инструменты для шитья. Чисто, аккуратно, скромно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.